

Анастасия Шелест

ЗАКОН
ТРЕСНУВШЕГО
КОРЕШКА

ВЕЛИКАЯ
БИБЛИОТЕКА

18+

Анастасия Шелест
Закон треснувшего корешка.
Великая Библиотека
Серия «Закон треснувшего
корешка», книга 2
Серия «Необъятные книжные миры»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73954377
Закон треснувшего корешка. Великая Библиотека / Анастасия
Шелест: АСТ; Москва; 2026
ISBN 978-5-17-173112-0

Аннотация

Теодора и её друзья оказываются заперты внутри истории, которая разрушается у них на глазах.

Спасаясь от катастрофы, они попадают в Великую Библиотеку – место, где хранятся чужие судьбы и тайны, которые никогда не должны были быть раскрыты.

Библиотекари объявляют охоту на нарушителей, прошлое и настоящее переплетаются, и реальность начинает распадаться.

Академия рушится. Чем дальше Тея идёт за ответами, тем яснее понимает: некоторые истории не хотят, чтобы их читали.

Ей остаётся только одно: рискнуть финалом ради шанса на новый сюжет.

Содержание

1. Blurry (out of place)	6
2. Glass heart	41
3. Echoes	79
Конец ознакомительного фрагмента.	90

**Анастасия Шелест
Закон треснувшего
корешка. Великая
Библиотека**

© Анастасия Шелест, текст

© Милана Корягина, дизайн обложки и иллюстрации

© ООО «Издательство АСТ», 2026

1. Blurry (out of place)

Шансов на мягкое приземление нет. Ноги едва держат. Стоит коснуться твердой поверхности, как колени подгибаются. Пальцы, вцепившиеся в мое плечо, дергают назад, но это не спасает. Я обрушиваюсь на пол, уткнувшись лицом в пыльный ковер, и что-то придавливает меня сверху. Живот сводит острой вспышкой боли. Я задыхаюсь, уши закладывает, но даже сквозь писк до меня долетают вскрики:

– Тея!

Знакомые голоса – отрезвляющая пощечина, лучший анальгетик. Стиснув зубы, я глотаю болезненные стоны, поползаю вперед и вскакиваю на ноги.

От резкого движения кружится голова, но взгляд цепляется за встревоженные лица. Лора, Берт, Эрик. Я дергаюсь к ним, но на локте сжимаются цепкие пальцы, разворачивая меня.

Темный изумрудный взгляд вышибает воздух из легких. Бледная кожа едва проглядывает сквозь разводы пепла, грязи и крови. Русые волосы слиплись и спутались. Сквозь выпачканные пряди, спадающие на лоб, на меня смотрят безумные глаза.

– Пегасова мать! – Выругавшись, Марк тянет меня на себя. – Что ты наделала, птичка? Довольна? Какой смысл в такой смерти?

В голове пустота. Я устала. Дьявольски устала.

Тело решает воспользоваться моей неспособностью принимать решения. Не успев подумать, я замахиваюсь и выбрасываю вперед руку. Кулак врезается в лицо Марка, и он, явно не готовый к такому, падает обратно на ковер.

Кисть сводит секундной болью, но сознание не фиксируется на ней надолго. Я встряхиваю руку, разжав пальцы. Лора шумно выдыхает. Берт присвистывает. Голос Эрика заставляет обернуться:

– Отличный удар.

Ясно. Для похвалы нужно всего лишь врезать тому, кого Эрик на дух не переносит.

– У меня был хороший учитель. – Слова вырываются из меня хрипло и обрывисто. В горле першит.

Оборачиваться – плохая идея. Три выжидающих взгляда скользят по мне, взрачивая позорное желание раствориться, но меня спасает возмущенный голос Марка:

– Правильно, Тея. Давай, прикончи меня, пока это не сделал огонь. Очень милосердно.

Пальцы дергаются, но во мне нет ни капли магии. Мотнув головой, я выдыхаю:

– Вырубите его во имя муз. У него нет сил сопротивляться.

– Что? – Марк поднимается и шагает ко мне. – Да какого черта, Тея? Я...

Он до меня не добирается. Эрик вскидывает руку, шевельнув пальцами, тело Марка падает рядом, и я перевожу дыхание. Проблему это не решает, но хотя бы избавляет от бессмысленных стенаний.

Нет больше никаких отвлекающих движений. Я расправляю плечи и, потеряв переносицу, медленно выдыхаю, но все равно не нахожу в себе сил посмотреть на друзей.

Они терпеливо ждут, но едва ли это продлится вечно. Секунду. Еще пару мгновений блаженного неведения.

Становится жарковато. На мгновение стыд приливает к щекам жаром. Эрик дергает ворот черной рубашки. Я опускаю голову и задыхаюсь от паники. По полу струится полупрозрачный, едва заметный дым.

Дерьмо. Это просто полное дерьмо.

– Что случилось, Тея? – настороженно протягивает Лора,

отнимая у меня право молчать. – Что там происходит?

Что я должна им сказать? Как вообще о таком говорить? Простите, но мы все обречены? Я избавилась от Марка не для того, чтобы занять его место.

Последний шанс. Крошечная надежда.

Я закрываю глаза и старательно представляю охваченный огнем зал. Секунда. Две. Три. Ничего. Нам не вернуться.

Распахнув глаза, я заставляю себя поднять голову и, облизнув пересохшие губы, чеканю, сверля взглядом плечо Берта:

– Я вытащила их чертову богиню, но она оказалась не тем, кого они ожидали встретить. Она обещала мне, что поможет отомстить и спасти вас, но обманула. Артур мертв, как и куча других людей. В зале пожар. Огонь не потушить. Выходы перекрыты. Книга... – я сглатываю и, сдавшись, прикрываю глаза, – горит.

От звенящей тишины закладывает уши. Становится так душно, что я едва могу вдохнуть. Сил посмотреть на друзей не хватает. Пальцы сводит судорогой, и я выталкиваю из себя дрожащие, никому не нужные извинения:

– Простите. Мне жаль...

– Какого пегаса ты влезла в книгу? – яростно перебивает Эрик.

Проглотив остаток извинений, я поджимаю дрогнувшие губы. У него миллион поводов для обвинений. Наверняка он не остановится на одном упреке, но секунды текут, а Эрик

молчит.

Все молчат. Тишина парализует, оседая на коже липким налетом. Я все еще не могу ни на кого посмотреть. Сверлю взглядом двойные деревянные двери за Бертом и боюсь шевельнуться, пока быстрый выдох не разбивает тишину. Голос Лоры становится тише:

– Дым. Теперь понятно. – Она вдумчиво кивает и запрокидывает голову. В серых глазах мелькает стальная решимость. – Что ж. Я была счастлива пройти этот путь с вами. Я горжусь нашей дружбой. Я и не мечтала найти более достойную причину для смерти. Погибнуть, защищая близких, – большая честь. Спасибо.

Поперек горла встает ком. Пальцы сводит, и я сжимаю их в кулаки, метнув взгляд на Лору, но на ее лице нет ни намека на сомнение. Она смотрит на меня и улыбается.

Да о чем она, пегас меня раздери? Какая честь? Почему никто с ней не спорит? Почему никто не говорит, что мы выберемся? Почему они молчат?

Сдавленный выдох сжимает легкие. Пусть Эрик скажет, что она ошибается. Пусть цокнет, закатит глаза, заявит, что у него есть план. Он же чертов умник-зануда! Он не должен сдаваться.

Эрик молчит. Сжимает кулаки и сверлит меня тяжелым взглядом. В нем можно прочесть столько всего, что я предпочитаю испуганно отвернуться.

– Да. – Берт медленно кивает, облизнув губы. – Я полно-

стью согласен с Лорой. Кстати, давно хотел сказать. Думаю, момента лучше не предвидится. – Он поворачивается к Лоре, перехватывает ее руки и крепко сжимает их. – Я люблю тебя.

Глаза щиплет. Наверняка из-за дыма.

Лора приоткрывает рот и медленно выдыхает. Тишина не позволяет двинуться, но долго ей не продержаться – Берт нервно дергает подбородком и сбивчиво начинает:

– Ты прости, что все так сумбурно. Я, конечно, хотел бы сделать это красиво, но...

Смешок Лоры заставляет Берта захлопнуть рот. Он сконфуженно отворачивается, выпуская ее руки.

Лиловые губы вздрагивают. Лора не позволяет Берту отойти, перехватив его запястье, и качает головой, прикрывая глаза.

– Музы, ну наконец-то. Знала бы, что вытянуть это из тебя может только неизбежная смерть, давно бы нырнула в порванную книгу.

В груди зарождается нервный смешок, но резь в глазах усиливается.

Берт замирает и недоверчиво косится на Лору. Пока он ошарашенно моргает, Лора улыбается шире и поднимается на носочки. Она тянется к Берту, обнимая его за шею, а он испуганно распахивает глаза, но испортить все паникой не успевает.

Их губы встречаются, а у меня земля уходит из-под ног.

Так не должно быть. Должно быть не так.

Не могу на них смотреть. У них должны быть еще сотни таких моментов. Счастливых, нежных, согревающих. Тысячи, а не жалкие крохи оставшегося у нас времени.

Пошатнувшись, я слепо пробираюсь к двери. Не хочу им мешать. Не могу видеть, как осознание неизбежного рано или поздно отразится на их лицах.

Никто меня не останавливает. Едва ли Берт и Лора вообще замечают мой трусливый побег, и я толкаю тяжелую дверь, попадая в коридор.

Длинный и узкий, он кажется бесконечным, а одинаковые деревянные двери с обеих сторон нависают, сжимая пространство.

Пошатнувшись, я врезаюсь плечом в стену, разворачиваюсь и утыкаюсь лицом в ладони. Ноги не держат, и я медленно сползаю на пол. Пальцы дрожат. Судорожные вдохи не помогают глотнуть воздух. В ушах разливается писк.

Это чушь. Бред. Абсурд. Это не может быть концом.

Я цепляюсь за растрепавшиеся волосы и стискиваю челюсти, но зубы все равно лязгают друг о друга. Едва ощутимая дрожь перерастает в тремор. Меня колотит. Я жмурюсь и кусаю губы до металлического привкуса во рту.

Пожалуйста! Если есть хоть какая-то сила, способная изменить этот кошмар, пусть она проявит себя. Я поверю во что угодно. Нам нужна помощь.

В плечи что-то впивается. Меня дергает наверх. Колени

дрожат, но цепкая хватка удерживает в вертикальном положении, не позволяя вернуться в заманчивое отчаяние. Я слышу голос, но не могу разобрать ни слова, пока кто-то тянет мои руки вниз, отрывая их от лица.

Стоит распахнуть глаза, как все вокруг поглощает спокойствие твердого карего взгляда. Эрик встряхивает меня за плечи и требовательно, по слогам произносит:

– Дыши медленно. Давай. Приходи в себя.

Зачем? Какой в этом смысл? Если я сделаю как он говорит, то придется сталкиваться с последствиями. Я не хочу.

Я мотаю головой, но медовый взгляд намертво вцепляется в мое лицо. Широкие черные брови сведены, губы плотно сжаты, и ни единого признака паники или отчаяния. Мы словно переносимся в тренировочный комплекс, и главная проблема – моя неправильная стойка. Как ему удастся держать лицо? Почему он выглядит так, будто все в порядке?

Ответов нет, но бороться с таким напором спокойствия невозможно. Я делаю последний судорожный глоток воздуха, и мышцы расслабляются. Шум в ушах стихает. Грудная клетка все еще дергается рывками, но я могу дышать.

Только двинуться не могу. Взгляд Эрика прибывает к месту. Остается стоять и пялиться на него, пока к горлу неспешно, но уверенно подступают слезы.

Мы потратили столько времени впустую, а теперь нет даже возможности все исправить. Глупо. Несправедливо.

Эрик щурится, всматриваясь в мое лицо. Убедившись,

что истерика закончилась, он медленно опускает голову. Его взгляд соскальзывает с моего лица, и у меня не хватает смелости за ним проследить.

Рука Эрика падает с моего плеча и обвивает талию. Только успокоившееся дыхание перехватывает, когда его пальцы выдергивают рубашку из юбки и проскальзывают под ткань, аккуратно поглаживая живот.

Становится невыносимо душно. Кожа покрывается мурашками. Мысли разбегаются из головы, оставляя за собой вязкую пустоту.

От его мягкого движения я начинаю задыхаться. Что он делает? К щекам приливает жар, и я испуганно дергаюсь, распахнув рот.

Эрик не выпускает меня. Его пальцы смещаются выше, бережно поглаживают кожу, оставляя легкие пульсирующие следы от прикосновений. Во рту пересыхает от потемневшего взгляда Эрика. По коже разбегается теплое покалывание. Он поднимает голову и спокойно поясняет:

– У тебя кровь.

Вот бы стена за моей спиной исчезла, позволяя провалиться в неизвестность. Боль внизу живота возвращается в сознание, но ее отгоняют прикосновения и покалывание магии.

Зачем? Какой теперь в этом смысл?

Не дождавшись ответа, Эрик вопросительно сводит брови и наклоняет голову. Цепкий взгляд вытаскивает из меня

сильные подрагивающие слова:

– Немного порезалась.

Эрик дергает уголком рта, криво усмехаясь, и покачивает головой. Рука выскальзывает из-под рубашки и одергивает ее края. На подушечках пальцев остается кровь. Я смотрю, как Эрик растирает ее, и не могу поверить, что все это скоро закончится.

Невозможно. Он смотрит на меня без осуждения, без презрения, без разочарования. Нет больше ни ненависти, ни высокомерия. В медовых радужках мелькают тоскливые всполохи и что-то еще, упрямо спрятанное за фасадом напускного спокойствия.

Нужно больше времени, чтобы разобраться. Какая-то взбесившаяся фальшивая богиня не может отнять у меня такую возможность.

Эрик распрямляется и медленно выдыхает. Он облизывает губы, и этот крошечный секундный жест срывает маску безразличия, а ставший низким голос окончательно выдает его:

– Тея, послушай. Я должен сказать. Мне...

Быстрый укол за грудиной заставляет дернуться. Я рвано выдыхаю и, сглотнув вставший поперек горла ком, нервно восклицаю:

– Нет! – я захлебываюсь криком, а Эрик захлопывает рот, уставившись на меня. – Не надо, Эрик. Не смей со мной прощаться. Не смей, ясно?

Эрик смотрит на меня мучительно долго. Пристально вглядывается в мое лицо, разжигая во мне бесконтрольное желание спрятаться, раствориться, сбежать. Лишь бы не видеть медленное осознание неминуемого в медовых радужках.

Поджав губы, он слегка поводит подбородком и тихо начинает:

– Я понимаю, ты боишься, Тея. Не стоит этого стыдиться. Это нормально.

Что? Да черта с два. Страх во мне сейчас уж точно нет. Я устала бояться.

Вскинувшись, я мотаю головой и сталкиваю ладонь Эрика с плеча, возмущенно заявляя:

– Дело не в этом.

Он не дает мне объясниться, хотя едва ли я смогла бы подобрать правильные слова. Понимающе кивнув, Эрик тяжело вздыхает и пробует еще:

– Никто тебя не винит. Мы все понимали, на что идем. Это был наш осознанный выбор. Не нужно взваливать все последствия на свои плечи. – Его проникновенный взгляд поднимает в груди волну возмущения. – Мы знали, что все может закончиться так.

Да что он несет, музы? Что за чушь? Пытается убедить меня, что каждый из них успел подумать о возможной смерти и просто махнул на это рукой?

Чушь. К пегасам смерть.

Смирение Эрика сквозит во взгляде, в каждом его движении, в каждом звуке. Как он может? Только не он. Он же чертов занудный умник. У него всегда есть правильное решение. План на любой жизненный случай.

Раздражение стискивает ребра, выдавливая из меня злой выдох. Эрик снова тянет ладонь к моему плечу, но я отбиваю ее, с вызовом вскинув подбородок.

– Да с чего ты взял, что это конец? Что за бред? Никто не знает, что происходит...

Его тяжелый вздох заставляет меня захлопнуть рот. Эрик с трудом держит себя в руках – у него дергается щека, и губы сжимаются, – но он продолжает разговаривать со мной, как с неразумным ребенком, отказывающимся признавать неизбежное.

– Закон звучит однозначно, Теодора. Нельзя вернуться из поврежденной книги.

Лучше бы он молчал. Копящееся внутри раздражение переполняет меня, разносясь искрами в сознании, и голос срыгается на крик:

– Да к дьяволу эти ваши законы! Кто их написал? На основании чего? – Эрик открывает рот, но я взмахиваю рукой, не позволяя ему вставить слово. – Никто до этого не возвращался? И что? У каждого правила должно быть исключение. Думаю, мы идеально подходим, чтобы стать им.

Я бы говорила не замолкая. Снова и снова повторяла бы одно и то же, пытаясь убедить то ли Эрика, то ли себя, но

он не позволяет.

Болезненная гримаса пробивается сквозь маску принятия. Эрик вскидывает руки и, вцепившись в мои плечи, с силой встряхивает. Моя голова дергается, и голос Эрика сипит, а слова вылетают смертельными выстрелами:

– Да оглянись вокруг, Тея! Посмотри. Что ты видишь? Посмотри внимательнее! – Он цепляет мой подбородок и тянет вниз, заставляя взглянуть под ноги.

Дыхание перехватывает. Во рту пересыхает.

Невесомый дым, напоминающий туман, расплзается по всему полу. Такой плотный, что ковра не видно.

Эрик продолжает, добивая каждым звуком:

– Видимо, если книга рвется, смерть наступает мгновенно. А тут мы обречены сгореть или задохнуться. Заперты не в зале, а в книге. Хотя разницы...

Я перестаю различать его речь. Не слышу слов. Уши закладывает, сознание заливают писк. Руки опускаются, и я бы снова сползла на ковер, если бы Эрик меня не держал.

Нет. Все не может быть так. Это ведь система.

Система не должна так работать. Это не имеет смысла.

Горячие ладони обхватывают щеки, заставляя поднять голову. Взгляд едва фокусируется. Лицо Эрика плывет перед глазами, и я отрешенно смотрю, как двигаются его губы, произнося чудовищные фразы:

– Ты можешь уснуть, Тея. – Он сводит брови и пытается перехватить мой взгляд. – Мне хватит сил продержаться тебя

во сне, пока все не кончится. Если хочешь...

Под ребрами что-то толкается, разрастаясь, мечется, царапается.

– Что? – Я сдавленно выдыхаю. Он не может говорить это всерьез. Не может. – Ты спятил, Эрик?

Он сглатывает и облизывает губы. Значит, не показалось. Он действительно это сказал. Какого черта? Это просто оскорбительно.

Смежив веки на пару секунд, Эрик открывает глаза и смотрит на меня, тихо проговаривая:

– Я просто не хочу, чтобы тебе было больно.

Слышать такое – не больно? Засыпать, зная, что не проснешься, – не больно? Спрятаться от дыма и огня, зная, что твои друзья обречены из-за тебя, – не больно? Уж Эрик должен понимать, что это не сработает.

Подушечка его большого пальца бережно поглаживает мою щеку, и этот простой жест окончательно срывает с меня бессилие и принятие. Хлопнув Эрика по руке, я толкаю его в плечо и шагаю на него, яростно выпаливая:

– Не хочешь, чтобы мне было больно? Тогда перестань строить из себя всезнающего недотрогу и не позволяй мне снова находить в твоей комнате полураздетых психопатов, когда мы вернемся, а не предлагай такую чушь! Ясно? – Он никак не реагирует, опустив голову, и я снова толкаю его, требовательно переспрашивая: – Ясно тебе?

Эрик не торопится с ответом. Он медленно поднимает

подбородок, окидывая меня долгим взглядом. Пара черных кудрей выбивается на лоб. Вымученная улыбка растягивает губы, и он кивает.

– Ясно, Тея. Предельно ясно. Хорошо.

Врет. Он смотрит мне в глаза и врет. Думает, что я спятила и проще согласиться. Все такой же невыносимый высокомерный придурок.

Я собираюсь выпалить все, что думаю, но не успеваю. Эрик приподнимает брови и как ни в чем не бывало уточняет:

– С первой частью все понятно, я учту, но зачем кидаться несправедливыми обвинениями? Я к себе никого не водил, не выдумывай.

Это его сейчас волнует? Я бы сказала, что время не совсем подходящее для выяснения отношений, но нельзя отрицать, что, возможно, другого и не будет.

Потерев онемевшие пальцы, я отвожу взгляд и нехотя поясняю:

– На день рождения Лоры я пришла к тебе, а там была Ева. Она ясно дала понять, чем вы занимались.

Прикусив язык, я захлопываю рот, уставившись на серую стену. Зачем я это сказала? Чтобы заливаться теперь краской и сконфуженно поджимать губы?

Тишина в ответ только сильнее смущает. Мог бы не изводить меня идиотским молчанием, а сразу же заявить, что это не мое дело.

– Что? – Вопрос Эрика звучит так честно и искренне, что я осторожно перевожу взгляд на него. Он недоуменно моргает и, поморщившись, повторяет: – Что за бред, Тея? Ты не могла поговорить об этом со мной, а не придумывать пегас знает что?

Как у него все просто. Раз такой умный, мог бы и сам следовать своим советам.

Поморщившись, я скрещиваю руки на груди и с вызовом переспрашиваю:

– Поговорить с тобой? Отличная мысль. Вспомни, как ты со мной разговаривал.

Совершенно неубедительно, но вариантов у меня не так и много. Большую часть проблем можно решить диалогом, но мы все так упорно пренебрегаем этим правилом, что нечего о нем и рассуждать.

Издевка светится в медовых радужках. Я чувствую, как неоспоримый аргумент вот-вот сорвется с языка Эрика, но вместо этого он тяжело вздыхает и качает головой.

– Замкнутый круг какой-то. – Осекшись, Эрик морщится и наклоняет голову. – Постой. Так ты поэтому с Марком...

Я не слышу продолжения. Неосознанная мысль вспышкой пролетает в сознании. Я пытаюсь ухватиться за нее и, вскинув голову, выпаливаю:

– Что ты сказал?

Эрик закрывает рот и, облизнув губы, нехотя повторяет:

– Ты поэтому спуталась с Марком?

Грубость пролетает мимо. Поморщившись, я не замечаю напряжения Эрика и выпаливаю:

– Нет. До этого.

Черные брови приподнимаются, и Эрик осторожно протягивает:

– Говорю, это все замкнутый круг. Мы...

Музы, а если в этом все дело?

Новые мысли переполняют сознание, вытесняя из него остальное. Возбуждение сводит пальцы.

Разве это не самое подходящее для безумной системы? Филипп искал истоки книговодства. Что бы это ни значило, нельзя придумать ничего лучше точки, где сходятся начало и конец.

Задыхаясь от своего безумного открытия, я шагаю на Эрика и требовательно спрашиваю, перебив его:

– В какой мы книге?

Карие глаза сужаются. Эрик недовольно цокает и осуждающе поводит подбородком:

– Это самая неизящная попытка сменить тему, Тея. Могла бы просто...

– В какой. Мы. Книге? – с нажимом повторяю я, вцепившись взглядом в лицо Эрика.

Если ему так хочется обсудить отношения, мы сделаем это потом. Сейчас не время. Теперь уж точно.

Эрик распрямляется, поджав губы, и холодно отвечает:

– «Над пропастью во ржи».

На мгновение все мысли вытесняет нервный смешок. Серьезно? Эта книга притягивает психопатов?

Мотнув головой, я игнорирую явное недовольство Эрика и быстро уточняю:

– Здесь есть библиотека?

Не нужно вопросов. Пожалуйста. У нас нет на них времени.

Эрик тяжело вздыхает, но, смерив меня обреченным взглядом, принимает правила игры.

– Конечно, есть, мы вообще-то в школе.

– Знаешь, где она?

Предел терпения Эрика маячит где-то поблизости. Еще пара необъяснимо странных вопросов, и он либо посчитает меня чокнутой, либо сорвется, но пока он только поджимает губы, высокомерно заявляя:

– Знаю. Мы осмотрелись, пока...

Какие молодцы. Я поблагодарю их за предусмотрительность и соблюдение правил в другой раз.

– Отведи меня туда. – У Эрика дергается бровь, и он уже открывает рот, чтобы завалить меня ворохом вопросов и возмущений, но я вцепляюсь в его ладонь и тяну вперед, выдыхая: – Пожалуйста, быстрее.

То ли мой скачущий голос, то ли лихорадочный взгляд убеждают Эрика. Он испытывающе смотрит на меня пару секунд, а потом перехватывает мою ладонь и утягивает по коридору.

Я не запоминаю повороты, едва не пролетаю ступени на лестнице и не обращаю внимания ни на усиливающийся жар, ни на поднимающийся густеющий дым.

Все это неважно. Все это скоро станет просто воспоминанием.

Эрик толкает увесистую деревянную дверь, и я влетаю внутрь, судорожно осматриваясь. Библиотека оказывается не такой уж и большой – шкафы тянутся в два ряда вдоль стен. Поддавшись нетерпеливому порыву, я пробегаю до самого конца комнаты и, оперевшись в стену, торможу. И что теперь делать?

Найдись. Покажись. Дай знать, где ты.

Просьбы ничего не дают. Я не знаю, где искать. Не знаю, что делать. Пусть библиотека и небольшая, но книг в ней все же хватает.

К черту. Это не повод сдаваться. Если ни магия, ни музы, ни провидение не желают помогать, я найду ее сама. Даже если придется вручную просмотреть каждую чертову книгу в библиотеке.

Резко выдохнув, я возвращаюсь к началу комнаты. Нужна последовательность. Начну с первого стеллажа.

Взгляд безумно мечется по корешкам книг. Я сбиваюсь, не дойдя даже до конца верхней полки. Решение простое. Прочитав названия, я решительно скидываю неподходящие, бесполезные книги на пол.

Одна за одной они обрушиваются с другой стороны стел-

лажа, прячась в дыму. Ковер приглушает звуки, в ушах грохочет усиливающийся пульс, но даже сквозь все это пробивается вкрадчивый голос Эрика:

– Что ты делаешь, Теодора?

Он застывает возле двери, нахмурившись, и с ужасом наблюдает за моими метаниями. И пусть. Его скептический настрой мне не помешает.

Порывисто опустившись на корточки, я разгоняю дым и, не останавливая поиски, воодушевленно заявляю:

– Пытаюсь вытащить нас отсюда.

Я это сделаю. Чего бы мне это ни стоило, чем бы все ни оказалось на самом деле.

Из Эрика вырывается сдавленный смешок. Он приближается, смотря на меня, как на дикого зверя, и натянуто шутит:

– Признайся, тебе просто нравится разбрасывать книги. Решила отыгаться напоследок?

Я его не слушаю. Плевать я хотела, что он там говорит.

Распрямившись, я шагаю к следующему стеллажу, но напряженный взгляд Эрика все-таки вытягивает из меня объяснение:

– Мой отец искал истоки. Мы в книге, и здесь есть книги, понимаешь? Может, здесь есть и книга, в которую мы нырнули? Тогда все сойдется. – Скинув еще парочку томиков, я бормочу: – Она должна быть здесь. Я знаю, что должна. Чувствую.

Но ее все еще нет. Серdito толкнув бесполезный стеллаж,

я перемещаюсь к следующему, а в спину ударяет глухой вопрос:

– Что? – И тишина ввинчивается в мою уверенность, расшатывая ее, но я только активнее скидываю книги. – Что за чушь? Тея, ты спятила?

Нет. Нет, музы! Это не я спятила, а все вокруг, когда решили просто принять судьбу и смириться! Я самая адекватная из нас сейчас.

Яростно столкнув еще пару книг, я собираюсь опуститься на корточки и продолжить, но цепкая хватка на локте не позволяет. Эрик дергает меня, разворачивая к себе, и быстро говорит:

– Это от страха, я понимаю, но послушай меня. Это невозможно. – Наклонившись, он доверительно приподнимает брови и выдыхает прямо в лицо: – Успокойся. Пойдем присядем.

Успокоиться? Да черта с два.

Вывернувшись из его хватки, я отталкиваю Эрика в сторону и, не позволяя себе потерять ни мгновения, продолжаю поиски, отмахиваясь:

– Я не прошу тебя поверить, но хотя бы не мешай.

Не вижу, но чувствую, как Эрик качает головой.

– Это безумие. Прекрати, Тея.

Порывисто шагнув к следующему стеллажу, я рывкаю, даже не обернувшись:

– Проваливай, если не можешь замолчать.

Почему он не понимает? Почему не хочет даже попытаться? Если это единственный шанс, то я буду цепляться за него, пока легкие не заполнит едкий дым и жар не уничтожит способность мыслить.

Эрик никуда не уходит. Он останавливается возле окна и открывает его, пытаясь выгнать дым, но это не помогает – на улице не лучше. Меня это мало волнует.

Быстрее-быстрее-быстрее. Нужно торопиться. Нужно быть внимательнее. Не позволять сомнениям пошатнуть веру.

Пальцы дрожат. Сердце колотится так быстро, что становится жутко. Взгляд мечется от корешка к корешку. Все не то. Все бесполезно.

Книга за книгой, полка за полкой, стеллаж за стеллажом. Один, второй, пятый.

Я закатываю рукава и дергаю душащий ворот рубашки. По виску стекают капли пота. Жар облизывает лицо. Глаза режет, и они слезятся, но я не позволяю себе остановиться.

Это повод поторопиться, а не прекратить.

– Тея, остановись, пожалуйста, – сквозь кашель просит Эрик.

Я его даже не вижу. Дернув подол юбки, отрываю его. Магия отзывается, и мне удастся намочить его водой. Это же хороший знак? Я прикладываю кусок мокрой ткани ко рту.

Голова кружится. Воздух становится горячим и обжигает горло. Вцепившись пальцами в деревянную перекладину, я

смаргиваю слезы, всматриваясь в названия книг.

Последний стеллаж. Значит, здесь. Точно здесь. Она есть!

– К пегасам, я не могу смотреть, как ты убиваешь себя из-за этого бреда, – где-то сзади недовольно говорит Эрик, но мне все равно.

Я сталкиваю с полки последнюю книгу. Это не она.

Почему ее нет? Что тогда делать?

Слабость накрывает пуховым одеялом. Слезы текут то ли от дыма, то ли от отчаяния. Я все это выдумала? Цеплялась за глупую больную фантазию, только чтобы не признавать наше положение.

Фигура Эрика вырастает передо мной, расплываясь и смазываясь. У него двигаются губы, но я ничего не слышу. Не могу шевелиться. Не могу дышать.

Пальцы разжимаются, выпуская влажный клочок ткани. Брови вздрагивают, и я жалобно протягиваю:

– Здесь нет книги.

В карих радужках сверкает сочувствие, от которого я перестаю дышать. Эрик наклоняется и кивает:

– Конечно, ее здесь нет. Ее и не должно быть.

Он ничего не понимает. Книга обязана быть здесь.

Игнорируя слова Эрика, я цепляюсь за его локоть, комкая рубашку, и сбивчиво бормочу:

– Как же так? Где тогда? Где еще она может быть? Где искать?

Короткий выдох не помогает Эрику. Он дергает головой

и, стиснув мое плечо, безжалостно проговаривает:

– Забудь, Тея. Приди в себя. – Я продолжаю мотать подбородком, и он тянет меня назад, добавляя: – Давай, идем. Нельзя так тратить оставшееся время. Выберемся куда-нибудь, где еще не так много дыма. Или дойдем до Лоры с Бертом, чтобы...

Чтобы попроситься.

Сердце останавливается. Колени подгибаются. Взгляд соскальзывает за плечо Эрика, и я отчужденно наблюдаю за прыгающим по тяжелой пыльной шторе огоньком.

Серьезно? Я сбежала из одного пожара, чтобы сгореть в другом? Берт, Лора и Эрик тоже обречены?

Мысль прошивает сознание ледяной иглой. Нет. Я запрещаю им погибать!

Вывернувшись, я вырываюсь из рук Эрика, яростно выплевывая:

– Нет! Нет-нет-нет!

Понятия не имею, с чем спорю. Я готова отрицать что угодно. Всю эту бредовую, абсурдную реальность.

Эрик гневно сводит брови, одергивая меня:

– Хватит, Теодора! Пожалуйста, прекрати. Не отнимай у меня эти минуты своим помешательством.

Каждое слово врезается в сознание, разрушая иллюзию контроля. Я дергаюсь и вырываюсь. Эрик пытается перехватить мои руки и остановить безумную истерику. Я задыхаюсь, хаотично размахивая руками, колочу его по груди и от-

бываюсь.

Его уверенный шаг на меня мог бы остановить нашу нелепую борьбу, но Эрик – действительно хороший учитель. Я проскальзываю под его локтем и толкаю в плечо. Эрик пошатывается и врезается в стену, сбивая безвкусную картину со стопками книг.

Гневные ругательства уже готовы сорваться с его языка, но Эрик проглатывает их. Я перестаю размахивать руками. Мы видим одно и то же.

Дощечка в деревянной панели на стене странно мигает и трещит, то расплываясь, то сливаясь с остальными.

Это что еще за ерунда? Мир не должен разваливаться у нас перед глазами. Какого пегаса?

Эрик медленно поводит подбородком, прикрывая рот, и поворачивает голову ко мне. Такое количество эмоций на его лице запускает по коже мурашки. Что это? Недоверие? Отрицание? Надежда?

В горле пересыхает. Волна неясного предчувствия обдает жаром. Секундное сожаление во взгляде Эрика не оставляет выбора. Он может все испортить, сломать последнюю надежду.

Прежде чем Эрик успеет высказать справедливые опасения, я вскидываю руку, потянувшись к дрожащему участку. Кисть легко проходит сквозь деревянную панель. Сердце пропускает удар. Пальцы сжимаются, ухватившись за что-то, и я дергаю это к себе. Под подушечками проскальзывает

что-то мягкое, похожее на кожу.

Ни поднимающийся дым, ни слезящиеся глаза не мешают разглядеть подарок судьбы. Дыхание спирает, и руки каменеют.

Я слепо смотрю на книгу в пальцах. Желтая, с кожаным синим ляссе, в мягкой обложке, с простыми строгими буквами: «Над пропастью во ржи».

Мир словно сходится в одной точке. Я не могу вдохнуть. Не могу осмыслить происходящее. Не могу контролировать мимику.

Распахнув рот, я медленно поднимаю голову, уставившись на Эрика. Глаза у него округляются, линия губ искривляется. Он шурится, напряженно переводя взгляд с меня на книгу и обратно. Даже ему не хватает слов.

Мне же не чудится? Может, угарный газ уже сыграл с нами злую шутку и я лежу без сознания, а все это – всего лишь агония мозга?

Пальцы дрожат, когда я спешно листаю книгу. Страницы целые, никаких видимых повреждений. Взгляд цепляется за строчки. Текст в одном месте подрагивает и расплзается, будто внутри книги кто-то есть, но я не могу это анализировать.

– Не может быть. – Голос Эрика доносится словно из-под воды. Я заторможенно перевожу на него взгляд, но перед глазами все плывет.

Воздуха не хватает. Вдох разносит по телу колкое жжение.

Руки становятся ватными. Я изо всех сил стараюсь вцепиться в книгу, боясь ее выронить, но мир смазывается и плывет. Ослабевшие ноги подкашиваются, и я отчужденно понимаю, что начинаю падать, но Эрик сжимает мои плечи, не позволяя обрушиться на пол.

Встревоженное лицо с беспокойно мечущимся взглядом возникает передо мной. Тонкие бледные губы шевелятся, и я пытаюсь сфокусироваться на их движении. Эрик обхватывает мои щеки, и только тогда сквозь жуткий писк в ушах долетает его голос:

– Нет-нет-нет, Тея, не сейчас. Смотри на меня. – В лицо утыкается влажная тряпка. Эрик перехватывает меня за плечи, поддерживая за талию. – Идем. Давай я выведу тебя. Найдем Лору и Берта и выберемся отсюда.

Сознание цепляется за последнюю фразу, и я облегченно выдыхаю. Да. Все как я хотела. Можно расслабиться.

Умиротворяющая тьма манит, призывая закрыть глаза. Слабость обнимает, нашептывая убедительные аргументы.

Ты все сделала. Ты молодец. Ты заслужила отдых.

Все верно.

Резкий рывок дергает меня с места. Я нехотя открываю глаза, но ничего не вижу, кроме клубящегося вокруг дыма. Дышать невозможно даже через тряпку, прижатую ко рту. Как вообще она держится?

Вопрос вырывает меня из бессилия. Эрик. Одна его рука на моей талии, а вторая – перед лицом. Как он сам еще не

задохнулся?

Натужное усилие помогает поднять руку. Я перехватываю тряпку и легонько отталкиваю запястье Эрика. На большее меня не хватает. Надеюсь, он позаботится о себе.

Хриплый кашель раздается совсем рядом, но Эрик все еще держит меня. Он уверенно продвигается вперед, таща меня с собой. Ноги волочатся по полу, цепляясь за ковры, и отказываются слушаться, сколько бы я ни пыталась идти сама.

Мы вырываемся из библиотеки, но в коридоре не лучше. Дым режет глаза. Жар плавит мысли. Не представляю, как Эрик ориентируется в этом аду.

Только на лестнице, парой этажей выше, мне удастся сделать самостоятельный шаг. Дыма здесь меньше. Можно спокойно осмотреться, и я замечаю стиснутую в руках Эрика книгу.

Не могу оторвать взгляд от нее. Так и рассматриваю желтенькую обложку, пока мы не останавливаемся перед знакомой дверью. Эрик толкает ее, втаскивая меня внутрь.

Лора с Бертом стоят возле окна, всматриваясь в дымную завесу на улице, но моментально оборачиваются на звук. Берт недоуменно сводит брови, разглядывая нас. Лора размыкает губы, но ничего не говорит. Я смотрю на их переплетенные пальцы, и неуверенная улыбка побеждает тревожные мысли.

Немую сцену разрушает Эрик. Он дотаскивает меня до

дивана и, прислонив к спинке, отрывисто велит:

– Уходим отсюда.

– Куда? – Справедливый вопрос Берта висит в воздухе. Не удивлюсь, если он решит, что мы наглотались угарного газа и спятили.

Эрик порывисто пересекает комнату, добираясь до них, и скидывает руку, показывая книгу. Тишина заливаает комнату.

Белесые брови Лоры ползут наверх. Она недоверчиво тянется к книге, хлопая ртом. Берт сверлит взглядом обложку, не мигая.

– Что...

– Это Тея нашла, – обрывает Эрик.

Два тяжелых взгляда прибивают меня к месту. Что я должна сказать? Что тут вообще можно сказать?

Вцепившись в бархатную обивку дивана, я выдавливаю из себя:

– Не могу это объяснить. Я не знаю, как так вышло и что это значит.

Да какая, к пегасам, разница?

– Мы ведь не знаем, что будет, если туда нырнуть, – облизнув губы, осторожно протягивает Лора.

Я тяжело вздыхаю, но спорить не решаюсь, и Берт опережает:

– Ты, конечно, права, но какая у нас альтернатива? Есть предложения? – Мягко улыбнувшись ей, он добавляет: –

Вряд ли будет хуже.

Я бы уже не зарекалась. Мир так упорно подсовывает поводы сомневаться, что лучше не загадывать.

Лора смотрит на Берта пару секунд, а потом сжимает его ладонь и быстро кивает. Повернувшись ко мне, она шагает вперед и одним вопросом расшатывает пол под ногами:

– А с этим что будем делать? – Она кивает в сторону камина, и я замечаю Марка.

Руки у него связаны. Он в сознании, но ничего не говорит. Сощурившись, смотрит на книгу, а потом поворачивается ко мне.

– Я бы бросила здесь, – легко заявляет Лора, пожав плечами, – но решать тебе, Тея. Это твое право.

Музы, я такого не просила. Не хочу делать этот выбор.

Марк ничего не говорит. Просто смотрит на меня, и уголок его рта дергается.

Какого черта? Почему он молчит? Если он все делал ради себя, то сейчас самое время уговаривать и убеждать меня.

Взгляд цепляется за его пальцы, и я холодею. Они все еще в запекшейся крови. В моей крови.

– Возьмем с собой, – сипло заявляю я, стараясь не смотреть на Эрика, но все равно замечаю, как он поджимает губы. Не время для разборок. Не время спорить.

Никто и не спорит, а я поворачиваюсь к Марку и, поймав торжествующую насмешку во взгляде, процеживаю:

– Мы квиты. Я тебе ничего не должна. Когда выберемся

отсюда, я тебя найду и прикончу за все, что ты сделал.

Издевка в его ухмылке такая откровенная, что у меня вздрагивают крылья носа. Марк пожимает плечами и легко отзывается:

– Я сам тебя найду, птичка. Мне нравится, когда ты сердишься.

Что ж, это многое объясняет.

Эрик дергает подбородком, порывисто шагая к Марку. Его пальцы сжимаются в кулаки, но я перехватываю его за локоть и, качнув головой, одними губами прошу:

– Пожалуйста...

Медовый взгляд чиркает по моему лицу. Удивительно, но Эрик действительно останавливается и заявляет:

– Я пойду первым. Мало ли что там.

Едва ли это имеет хоть какое-то значение. Что бы там ни было, это лучше перспективы задохнуться или заживо сгореть.

Быстрые движения Эрика привлекают мое внимание. Он вытаскивает что-то из-за пояса и кидает в мою сторону. Я инстинктивно вскидываю руку и сжимаю пальцы на металлическом корпусе, а Эрик предвосхищает мои вопросы:

– На всякий случай. Если надумаешь стрелять – стреляй без сожалений.

Он слишком высокого мнения обо мне. Едва ли я действительно справлюсь, но Эрик ждет, и мне приходится кивнуть.

Только после этого он обводит всех беглым взглядом и

опускает книгу на деревянный журнальный столик. Страницы шелестят, и я напряженно наблюдаю, как Эрик наклоняется, вчитываясь.

На мгновение кажется, что ничего не выйдет. Дыхание спирает. Сердце возобновляет ритмичное биение, только когда фигура Эрика начинает терять очертания, а выдохнуть получается, когда он полностью исчезает.

Музы, надеюсь, я не отправила его на верную смерть.

Лора неуверенно переступает с ноги на ногу, вырывая меня из беспокойных мыслей. Перехватив ее взгляд, я киваю на книгу и выдыхаю:

– Идите. Я останусь. Нырну последней.

Серый взгляд изучающе оглаживает мое лицо, но Лора шагает к столу, а вот Берт хмурится и обеспокоенно уточняет:

– Уверена? Я могу остаться. Ты...

– Я справлюсь, – быстро прерываю его я, вскинув руку и помахав пистолетом. – В крайнем случае присоединюсь к вам одна.

Смешок со стороны Марка вполне справедливый.

Не похоже, что Берт верит в мою способность действовать так решительно, но все же принимает условия.

Лора исчезает первой. Берт наклоняется к книге, напоследок бросив мне ободряющую улыбку.

Я не хочу долго оставаться наедине с Марком. Я и смотреть на него не хочу. Поэтому киваю на книгу и коротко ве-

лю:

– Ныряй.

Шорох позади меня подсказывает, что Марк встает. Я упорно отворачиваюсь и цепляюсь взглядом за штору. По ее нижнему краю пляшет яркий огонь. Надо поторопиться.

– Не развяжешь мне руки?

Возмущение побеждает. Обернувшись на голос, я хмыкаю и возвращаю Марку его аргумент:

– Не хочу, чтобы ты себе навредил.

Уголки его губ вздрагивают. Какого пегаса? Словно я выдала забавную шутку.

Он раскрывает рот, а я уже готова заткнуть уши. Так и надо было сделать.

– Тея, давай поговорим.

Да он издевается?

– Нет! – Я нервно дергаю головой. – Нам не о чем говорить. Более того, нам некогда болтать.

Марк снисходительно улыбается и шагает в мою сторону, игнорируя и стол, и книгу, и начинает:

– Разве...

Да чтоб его!

Вскинув руку с пистолетом, я рывкаю, напрочь утратив контроль над голосом:

– Ныряй, или, клянусь музами, я выстрелю.

Пистолет скользит во влажной ладони. Пальцы подрагивают. Не стоит ему проверять мою выдержку. Не сейчас.

Марк словно в упор не видит никаких проблем. Он пожимает плечами, смиренно опустив голову, и неспешно двигается ко мне, вздыхая.

– Моя жизнь в твоих руках, птичка. Решишь отнять ее – я даже сопротивляться не стану. Но я не верю, что ты...

Отдача ударяет в ладонь. Звук выстрела оглушает. Пуля летит в ковер под ногами Марка, рассекая дым, а он замирает, медленно поднимая взгляд на меня.

Восторженные искорки в его глазах добивают меня. Выровняв пистолет, я гаркаю:

– Можешь не сомневаться, в следующий раз я попаду в цель.

Русые брови издевательски выгибаются. Взгляд Марка темнеет, и он криво усмехается.

– Эрик научил тебя не промахиваться, да?

Да что с ним не так, музы? Чего он добивается?

Тряхнув пистолетом, я рывкаю:

– Закрой рот. Ныряй в книгу. Сейчас.

Марк стоит неподвижно так долго, что мне начинает казаться, что время застыло. От невыносимого жара по виску стекает капелька пота.

– Не знаю, что с тобой происходит, но мне нравится.

Марк усмехается, а во мне рушатся последние барьеры терпения. Я открываю рот, но Марк уже разворачивается, быстро шагая к журнальному столику.

Спокойно выдохнуть удастся только когда его фигура рас-

творяется в воздухе. Он даже не взглянул на меня напоследок.

Звучный треск заставляет вздрогнуть и оглянуться. Деревянный карниз, охваченный пламенем, обрушивается на пол, и огонь перескакивает на ковер. Я сглатываю и бросаюсь к книге.

Взгляд вцепляется в строчки, и через пару мгновений меня утягивает в неизвестность.

2. Glass heart

Буквы перестают плясать перед глазами, всполохи цветов меркнут, успокаиваясь, и меня выталкивает из бесконтрольного полета. Чьи-то руки аккуратно подхватывают меня, и напряженный голос прорывается в сознание:

– Долго ты.

Эрик. Я облегченно выдыхаю. Значит, все здесь. Значит, все в порядке. Насколько, конечно, это вообще возможно в нашем положении.

Аккуратная хватка разжимается, выпуская меня. Глаза открывать не хочется – не уверена, что готова к тому, что увижу, – но присутствие Эрика обнадеживает.

К пегасам. Долго избегать реальности не выйдет. Сдерну пластырь побыстрее и забуду.

Я аккуратно открываю один глаз, но ничего подозрительного не обнаруживаю и смелею, открывая второй.

Лора и Берт деловито оглядываются по сторонам. Марк хмурится. Я растерянно моргаю и верчу головой, смутно понимая, куда мы попали.

В помещении явно не хватает света – тусклые светильники под потолком хоть и развешаны с маниакальной частотой, но только немного разгоняют темноту. Вдоль стен тянутся простенькие деревянные книжные шкафы, уходя в бесконечность. Они создают узкий коридор и молчаливо взирают на нас тысячами разноцветных корешков.

Сколько их здесь? Я никогда не видела ничего подобного. Завороженно шагнув к одной из полок, я наклоняю голову к плечу, читая названия. Почти ни одного знакомого. Очень странно. Даже систему понять не выходит. Как они тут сгруппированы? По алфавиту? Точно нет. По жанрам? Едва ли, судя по названиям. По годам или странам? Не уверена – слишком мало знакомых.

Я впервые вижу такое количество книг, о которых никогда даже не слышала.

– Есть идеи, где мы? – протягивает Берт.

Голос разлетается по бесконечному коридору, и я резко разворачиваюсь, инстинктивно приложив палец к губам. Нельзя же так шуметь!

– В библиотеке? – натянута предполагаю я, хотя едва ли кто-то нуждается в таком ответе.

Не хватает деталей. Что за библиотека? В какой книге? Как отсюда выбираться?

По крайней мере, здесь нет дыма и жар не облизывает лицо. Вероятность умереть в ближайший десяток минут кажется минимальной. В нашей ситуации это уже успех.

Берт усмехается и подмигивает мне.

– Кажется, это по твоей части, а, Тея?

Мне требуется какое-то время, чтобы понять, о чем он. Прежняя жизнь кажется такой далекой, словно и не со мной все это было.

– Надо осмотреться. – Эрик озвучивает очевидное, но я все равно киваю. – Берт с Лорой – вперед, мы – в ту сторону. Возвращаемся через пятнадцать минут.

Возражений ни у кого не находится. Только Марк вопросительно приподнимает брови. Я раздраженно закатываю глаза и дергаю подбородком, призывая его идти с нами, за что тут же получаю мрачный взгляд Эрика.

Не оставлять же его здесь одного. Можно натворить немало бед и со связанными руками.

Мыдвигаемся вперед в гнетущей тишине. Я стараюсь игнорировать ее, всматриваясь в названия книг. Количество знакомых все еще до смешного ничтожно.

Внезапно книжный ряд обрывается, выпуская нас на развилку. Вправо и влево тянутся одинаковые цепочки шкафов,

каждая из которых разветвляется в сотни таких же коридоров.

Из меня вырывается сдавленный выдох. Безумие какое-то. В мире нет ни одной подобной библиотеки. Здесь никто и ориентироваться не сможет – ни одного опознавательного знака: ни разделения на секции, ни буквенных указателей. Интересно, картотека здесь есть?

– Направо, – командует Эрик, уже шагая в сторону, но я возражаю:

– Это глупо. Нужно разделиться.

Он поворачивается, окидывая меня снисходительным карим взглядом. Черные брови издевательски выгибаются, и Эрик щурится.

– Серьезно? Не знаешь, чем обычно заканчиваются такие решения? Мы только сбежали от неминуемой смерти. Я не готов...

Он захлопывает рот и, нахмурившись, отводит взгляд. Марк хмыкает. Я озадаченно свожу брови и пожимаю плечами.

– Да брось, что может произойти? Мы же в библиотеке. Судя по всему, здесь вообще никого нет.

Я и сама чувствую, что слова словно выдернули из какого-нибудь мистического триллера, но отгоняю эти мысли.

Вопреки логике, Эрик не спорит. Он вздыхает и отрешенно бросает:

– Как скажешь.

Что это? Кто его подменил? Может, я попала в зеркальное отражение привычного мира?

– Я с птичкой, – беспечно заявляет Марк, разрушая мои предположения. Что-то меняется, а его отрицание реальности вечно.

– Обойдешься, – сплевывает Эрик, дергая его за плечо за собой.

Они уже двигаются вперед, повернувшись ко мне спиной, но ехидный голос Марка все равно отлично слышно:

– Так и знал, что ты ищешь способы остаться со мной наедине.

Как вообще живется людям без инстинкта самосохранения?

Тяжелый вздох Эрика ничего хорошего не предвещает, но он только бросает:

– Пять минут, Тея. Просто осмотреться.

Пять минут, значит. Достаточно, чтобы они прикончили друг друга.

Развернувшись, я шагаю налево, стараясь не думать, чем могут обернуться пять минут для этих двоих. Рука инстинктивно проверяет пистолет за поясом юбки, и я досадливо морщусь. Это все Эрик со своей паранойей.

Вокруг так тихо и пусто, что даже повод для беспокойства придумать сложно. Разве что сама стерильная тишина нагоняет мрачные мысли.

Шкафы все не заканчиваются – даже потенциального ту-

пики не видно. Соотношение знакомых и незнакомых книг остается прежним. Идти по прямой бессмысленно. Я потираю немеющие замерзшие пальцы и сворачиваю в один из рядов, шагая к следующей развилке, когда секундный звук заставляет вздрогнуть. В такой тишине даже легкий шорох звучит отчетливо.

Дернув головой, я вглядываюсь в щель между книгами и полкой. Там что-то мелькает.

Сердце вздрагивает. Ладони покалывает. Здесь все-таки кто-то есть?

Новый шорох вынуждает развернуться. Смазанная тень проскальзывает с другой стороны, но, как бы я ни пыталась ее уловить, ничего не выходит.

– Эй, – осторожно протягиваю я, облизнув пересохшие губы. – Кто здесь?

Никакого ответа. Что-то снова мелькает между полок. Что за игры такие?

Ринувшись вперед, я добегаю до ближайшей развилки и сворачиваю в ряд, где заметила движение. Ноги врастают в пол. Я застываю, уставившись вглубь книжного коридора, и не могу смириться с реальностью.

Это обман зрения. Иллюзия. Галлюцинация.

Между книжных шкафов, спиной ко мне, стоит хрупкая женская фигура. Знакомое платье в пол подчеркивает аккуратные изгибы тела и порождает болезненные воспоминания, а русые волосы, собранные в изящную высокую причес-

ку, не оставляют места сомнениям.

Глаза щиплет, и я с усилием моргаю. В горле пересыхает. С языка слетает жалобный и трескучий вопрос:

– Тетя?

Фигура поворачивается медленно и плавно – точно ее движения. Тусклый свет выцепляет знакомые черты лица, и открытие оглушает. Это она. Точно она.

Колючий ком толкается в горло, и я натужно сглатываю, повторяя:

– Тетя, что...

Готовность броситься к ней убивает абсолютная пустота в глазах. Ореховые радужки словно ничего не отражают. Тонкие губы медленно размыкаются, и знакомый, но до жути чужой голос протягивает:

– Нарушитель.

Одно бессмысленное слово – резкая пощечина. Не такого ожидаешь, когда встречаешь тетю, которую считала погибшей.

Губы вздрагивают, и брови обиженно сводятся. Она меня не узнает? Почему?

– Диана, это я...

Я шагаю к ней, когда сзади разносится предупреждающий рев:

– Тея, стой!

Взгляд запоздало цепляется за вскинутую руку тетки. Эрик, возникший из соседнего коридора, бросается ко мне,

но не успевает. Его опережает голос Марка:

– Спереди.

Действие, натренированное до автоматизма за все наши занятия, срабатывает безотказно. Я вскидываю руки, даже не успев осознать зачем, и о появившийся вокруг меня барьер разбивается мощный поток магии.

Меня передергивает. Задохнувшись от возмущения, я распахиваю рот. Какого пегаса? Диана только что напала на меня?

Недоумение отнимает непозволительно много времени. Эрик почти добирается до меня, но Диана снова поднимает руку, и его впечатывает спиной в стеллаж. Книги обрушиваются на пол, Эрик дергается из стороны в сторону, распахнув рот, и его руки тянутся к шее.

Пока я ошарашенно наблюдаю за происходящим, прибитая к полу отрицанием, Диана поднимает вторую руку. Барьер укрывает меня, но шум позади заставляет обернуться и понять, что в меня даже не целились, – приближающегося Марка точно так же впечатывает в шкаф.

Я холодею. В голове так пусто, что не получается нащупать ни одну мысль. Что делать? Надо же сделать хоть что-то. Нельзя просто смотреть.

Инстинкты все решают за меня. Выдернув из-за пояса пистолет, я передергиваю затвор и, вскидывая руку, замираю. Это же тетя. Моя тетя.

– Диана, хватит! – Из моей груди вырывается жалобный

скулеж.

Рука с пистолетом ходит из стороны в сторону, словно у меня конвульсии. Тетка на меня даже не смотрит.

– Тея. – Хрип едва вырывается из Эрика.

Я оборачиваюсь на звук, и уши закладывает. Он пытается сказать что-то еще, но только беззвучно хлопает ртом, борясь за глоток кислорода, зато его голос отчетливо разливается по сознанию.

«Если целишься – стреляй».

Палец соскальзывает, дергая спусковой крючок. Диану толкает назад. На платье медленно расплывается пятно. Она опускает руки, поворачиваясь ко мне.

В горло толкается тошнота. В ушах разливается безжалостный шум.

Что я сделала, музы? Почему она все еще стоит? Что делать теперь?

Острый ореховый взгляд, жуткий и неестественный, вонзается в меня парализующим осколком. Меня обдает холодом, волна паники едва не сбивает с ног. Все, что остается, – посмотреть, как Диана щурится и поднимает руку, и смиренно принимать любое будущее.

Резкий рывок за локоть сдвигает меня с места. Эрик утягивает меня за собой, вытаскивая в коридор, когда книжные полки взрываются страницами и деревянной крошкой. Он прижимает меня к боковой стене, закрывая от щепок.

Пара секунд, чтобы осмотреться. Взгляд нашаривает Мар-

ка, и облегченный выдох застревает в глотке. Эрик отшагивает от меня, а я вскидываю руку, заставляя веревки соскользнуть с запястий Марка.

Времени на споры и упреки не остается. Пальцы Эрика впиваются в мой локоть, и он кидается вперед, увлекая меня за собой. Марк не отстает. Я не понимаю, куда мы несемся. В груди печет. Полки перед глазами смазываются, повороты и коридоры сливаются в неразделимое одинаковое нечто, в ушах все еще стоит грохот.

Мы оторвались? Куда мы бежим? Где тут можно скрыться, если вокруг только бесконечные ряды шкафов?

К пегасам. Я отказываюсь от мыслей, проваливаясь в первобытный ужас, и слепо подчиняюсь Эрику. Он умеет ориентироваться. Он умеет принимать решения. Пусть он ведет.

Стоит мне смириться, как из-за угла что-то вылетает. Столкновение вышибает из легких воздух. Кто-то вцепляется в мои плечи, не позволяя упасть. Хватка Эрика разжимается. Перед глазами всплывает взбудораженный, всклокоченный Берт.

Мы все замираем, переводя дыхание, и округлившимися глазами рассматриваем друг друга. Берт выпускает меня, и я сгибаюсь пополам, мотая головой.

Не думай. Не анализируй. Не сейчас. Ответов все равно не найти, а произошедшее настолько выбивается из адекватной картины мира, что и двинуться можно запросто.

– Что у вас? – требовательно спрашивает Эрик.

Лора хлопает ресницами, передернув острыми плечиками, и сдувает с лица белесую прядь.

– Ребенок. – Она возмущенно качает головой и поясняет: – Странный ребенок назвал нас нарушителями и напал.

Из меня вылетает совсем неуместный сдавленный смешок. Эрик напряженно скашивает на меня взгляд, но его отвлекает вопрос Берта:

– А у вас?

Они сами объяснят. Наверняка. Но слова непроизвольно вылетают из меня хрипящими звуками:

– Я выстрелила в тетку.

Музы, это действительно то, что я сделала. Я выстрелила в Диану.

Берт хмурится, но я уже ничего вокруг не вижу. Истерика подкрадывается, я вскидываю руки и вцепляюсь пальцами в волосы.

Спокойно. Не время сходить с ума.

Я пытаюсь вдохнуть, но не могу. Эрик поворачивается ко мне всем корпусом и пытается перехватить мой взгляд, раздельно проговаривая:

– Это была не твоя тетя, Тея. Слышишь?

Нет же. Это было именно Диана. Я ведь в своем уме.

Сомнительный аргумент. Мысли заполняют черепную коробку, роем назойливых насекомых, толкаясь и копошась внутри. Я уверена, что их ничем не вытравить, пока твердый голос Марка не прорывается в сознание:

– Кто бы это ни был, у тебя не оставалось выбора. Она бы убила нас обоих, а потом и тебя. Ты все сделала правильно.

«Правильно» от Марка – не похвала, а постыдное клеймо. Я мотаю головой и кусаю губы, загоняя осознание поглубже. Я уничтожу себя этими мыслями позже. Не сейчас. Сейчас нельзя.

– Что будем делать? – Лора озвучивает жуткий вопрос, вертящийся на языке.

Ответа ни у кого нет. Ни плана, ни догадок, ни мыслей.

Я жмурюсь, стиснув зубы. Вот бы проснуться и понять, что все это просто кошмар, безумный дурной сон.

– Разве так можно, Теодора? – Строгий, но мелодичный женский голос звучит словно отовсюду, и я распахиваю глаза, нервно обернувшись. – Выстрелить в родную тетю. Просто чудовищно.

Я все-таки спятила? Моя совесть звучит так?

– К чему ты ее подталкиваешь, Эрнест? Ужасное влияние, тебе должно быть стыдно, – продолжает голос.

Судя по вытянувшимся лицам друзей, они тоже слышат это, но облегченный выдох застревает в груди. Если мы это слышим, значит, кто-то это говорит.

Короткий шорох за спиной бьет по натянутым нервам. Я дергано оборачиваюсь и замечаю в одном из коридоров высокую тонкую фигуру. Тусклый свет оглаживает бледное лицо с маленьким носом, а из-под овальных очков поблескивает холодный серый взгляд.

Я заворожено смотрю на женщину, не понимая, что со мной. Губы размыкаются, выпуская бессильный выдох. Меня обволакивает успокаивающее отчуждение. Сердце перестает метаться под ребрами. Кажется, что эта женщина может все разрешить и спасти всех, и я инстинктивно подаю вперед, рассматривая ее серый твидовый пиджак, блузку, застегнутую под самое горло, и длинную шерстяную юбку. Каштановые волосы прилизаны и собраны в строгий пучок на затылке.

Так выглядят люди, у которых есть ответы на все вопросы. У них все под контролем, и спокойствие расходуется от них волнами. Мне этого чудовищно не хватает.

Серый взгляд впивается в мое лицо, и в строгий голос причудливо вплетаются успокаивающие нотки.

– Разве тебе не стыдно, Теодора? – О, мне безумно стыдно, и женщина это точно знает. – Не хочешь попросить у Дианы прощения? Давай, подойди. Я помогу тебе. Стрелять в родную тетю просто невежливо.

Ноги сами делают шаг. Женщина говорит так, словно эту ошибку легко можно исправить, и все остальное теряет значение.

Я шагаю еще раз, когда передо мной вырастает фигура Марка. Он отгораживает меня плечом, и вспышка досады не вырывается только благодаря его насмешливой фразе:

– Пытаться прикончить любимую племянницу тоже не очень-то вежливо.

Язвительный тон смывает с меня наваждение. Я моргаю, мотнув головой, и осматриваюсь, тут же проваливаясь в отчаяние. Как я умудрилась не заметить? Никто из нас не заметил?

Мы загнаны в ловушку в центре перекрестка из книжных шкафов. Перед нами – странная женщина. Справа – двое подростков с отсутствующими взглядами, слева – неподвижный широкоплечий мужчина. Внутренний голос предостерегающе велит этого не делать, но я все-таки оборачиваюсь, тут же пожалев.

Сзади стоит Диана. Лицо у нее совершенно непроницаемое, а на теле не осталось даже крови. Она смотрит то ли сквозь меня, то ли на женщину впереди.

По коже пробегает холодок. Если о странностях говорить уже поздно, то сейчас становится по-настоящему жутко.

Раздраженный вздох женщины на мгновение разрушает ее преисполненный спокойствием образ, но она тут же берет себя в руки. Поджав губы, она поводит подбородком и сожалеюще сводит брови.

– Что уж тут поделаться? Едва ли у Дианы был выбор. Правила есть правила, мы все им подчиняемся. – Уловив секундный смешок Марка, она строго щурится и заявляет: – Я осведомлена о вашем отношении к правилам и уставам, Марк. Поверьте, это не делает вам чести.

Да что происходит? Я давно перестала понимать что-либо – буквально с нашего появления в этом странном месте, –

но сейчас последняя капля абсурда падает в чашу терпения, переполняя ее, и я уже не в силах сдерживаться.

Нам нужны ответы. Мне нужны. И я собираюсь их потребовать, но женщина опережает. Она миролюбиво улыбается и произносит:

– Послушайте, я прекрасно понимаю ваше недоумение. Мы тоже удивлены, даже несколько ошарашены. Я предлагаю решить все мирно, без бессмысленной беготни и ущерба для бесценных книг. Поверьте, скрыться еще ни у кого не выходило.

Мое перегруженное сознание не справляется. Усталость побеждает. Я вижу несостыковки, но не могу их проанализировать. Разве предложение мирного решения сочетается с очевидной угрозой? Как это возможно?

Пока я вяло перебираю в голове риторические вопросы, Эрик выступает вперед, загораживая меня полностью, и в его голосе сквозит неприкрытое напряжение.

– Кто вы?

Мне приходится шагнуть в сторону, чтобы разглядеть, как женщина разводит руками, представляясь:

– Я главный Библиотекарь.

Сухой смешок царапает глотку. Она считает, что это все объясняет? Вот еще библиотекари только за нами не охотились. Этого-то и не хватало для полного счастья.

Скосив взгляд на Берта, я облегченно выдыхаю – судя по его вытянутому лицу, не мне одной упорно кажется, что мы

провалились в абсурдный сон. Все это просто не укладывается в голове. Может, незачем и пытаться объять необъятное?

Так и не дождавшись пояснений, Эрик настороженно уточняет:

– И чего вы хотите?

Отлично. Пусть он разбирается. Он гораздо лучше подходит для роли лидера, чем я. Меня совершенно не волнуют желания этой странной женщины. Я хочу домой. Добраться до своей комнаты, рухнуть лицом в подушку и провалиться в небытие.

– Всего лишь навести порядок, – спокойно поясняет Библиотекарь, но в этот раз все-таки добавляет детали: – Понимаете ли, обычно книгоходцы сюда не попадают. Не должны попадать, – с нажимом повторяет она. – Только если они погибают из-за повреждений книги. Но я знаю, что вы живы. Нам нужно исправить это маленькое недоразумение.

Я медленно моргаю, изо всех сил стараясь осмыслить услышанное. Да нет. Нельзя всерьез говорить такие вещи с вежливой улыбкой на лице и непоколебимой уверенностью во взгляде.

Берт сбоку хрипло усмехается, скрещивая руки на груди, и издевательски протягивает:

– Секунду. Я правильно понимаю – вы предлагаете нам безропотно умереть, потому что наше появление здесь нарушает какие-то правила?

Отлично. По крайней мере, я не спятила и не разучилась

понимать слова.

Библиотекарь улыбается. У нее даже лицо светлеет, словно она всерьез не ощущает едких ноток в голосе Берта, а размеренный кивок вводит меня в ступор.

– Именно так, – кивает Библиотекарь и, осознав, что мы почему-то не бросаемся соглашаться на ее сказочное предложение, устало поясняет: – Поймите, другого выхода нет. Вы не выберетесь отсюда. Конец все равно один. К чему эти сражения и боль? Мы сделаем все быстро и без лишних страданий, и вы просто присоединитесь к нам.

Нет, она это серьезно. Какого пегаса? Я не для этого влезла в горящую книгу, нашла ее странную копию и утащила всех за собой.

Сил бороться и противостоять странным библиотекарям с каждым мгновением все меньше, но пока остаются хотя бы крохи, я не пойду на добровольную смерть. Черта с два.

Взгляд Эрика на секунду останавливается на моем лице. Аккуратный, едва заметный шаг назад, и его плечо слегка соприкасается с моим. Его рука опускается, высвобождая из моих пальцев пистолет, и Эрик вежливо начинает:

– Предложение, конечно, заманчивое, но, боюсь...

Он даже договорить не успевает. Лицо Библиотекаря вытягивается, становясь ястребиным. Она задирает подбородок, и пространство вокруг заполняет оглушающий грохот.

Со всех сторон брызгами разлетаются с полок книги. Стеллажи сносит мощный взрыв. Все вокруг заполняет дым,

взметнувшиеся щепки и пыль, поглощая враждебные фигуры, но нас не задевает. Я ошарашенно верчу головой, пытаюсь понять, кто из нас успел так быстро среагировать, но остальные выглядят не менее удивленными.

– Сюда! Живо! – Мужской голос долетает сквозь завесу дыма.

Мы уже успели усвоить, что слепо следовать неизвестно за кем – не самая мудрая идея, но выбора нам не оставляют. На моей ладони сжимаются теплые пальцы, и Эрик дергает меня в сторону образовавшегося прохода. Я снова сдаюсь, передавая ему право решать. Если нас пытаются заманить в очередную ловушку, будем разбираться с проблемами по мере их поступления.

Ряды книжных шкафов мелькают перед глазами. Мы петляем между ними, и я даже не пытаюсь запомнить маршрут. Смотрю под ноги и подчиняюсь тянущей вперед силе.

К пегасам ответственность. Я ее не переносу.

Короткий скрип выбивается из хаоса грохота, сбившегося дыхания и криков позади. Мы влетаем в новую дверь, и она захлопывается за нами, погружая нас в кромешную темноту. Эрик тормозит, и я врезаюсь в его спину.

Вот так хорошо. Хочется остаться в этом мраке и не разбираться, что произошло и что все это значит.

Звучный щелчок пальцев разбивает надежду, расплескивая под потолком тусклый желтый свет. Я сгибаюсь пополам, пытаюсь отдышаться. Упершись ладонями в колени, я осто-

рожно осматриваюсь, не поднимая голову.

Пегасово дерьмо, снова вокруг сплошные книги. Взгляд цепляется за ряды одинаковых коричневых корешков, и я невольно жмурюсь. Странные книги. У них нет названий. Только имена и даты. Никогда такого не видела.

На ум тут же приходит ассоциация с надгробиями. Меня передергивает. Жуткий холодок проскальзывает вдоль позвоночника, и я оборачиваюсь, натужно сглотнув. Конца шкафа не видно. Взгляд судорожно мечется от корешка к корешку, но так и не находит ни одного названия.

– Пегасова мать, я вас знаю! – Голос Берта пропитан смесью восторга и недоверия. – Как...

Я вздрагиваю, оборачиваясь. Ничего хорошего все это не предвещает. Взгляд упирается в окаменевшую спину Эрика, и я бездумно рассматриваю складочки на черной рубашке.

– Тея! – возбужденно продолжает Берт, но его перебивает низкий мужской голос:

– Теодора.

Ну что, музы? Почему опять я? У нашего таинственного спасителя такой широкий выбор, к кому обратиться. Почему именно я?

Спереди раздается странный звук – Эрик бормочет что-то невнятное и отшагивает в сторону, а меня поглощает паника. Да что там такое, что даже у него слов не нашлось?

Открывшаяся взору картина не дает ответ. Передо мной в десятке шагов стоит высокий рыжеволосый мужчина с забав-

ной щетиной. Изумрудная рубашка небрежно торчит поверх брюк. Блестящий карий взгляд, наполненный искрами, прикован ко мне. Мужчина шагает вперед и раскидывает руки, словно собирается меня обнять, но, заметив, как я инстинктивно шарахаюсь назад, тормозит. Уголки губ у него вздрагивают, и мужчина покачивает головой, радостно заявляя:

– Так и знал, что если кто-то еще и способен найти это место, то только ты.

Приятно, конечно, что хоть кто-то в меня верил, но понятнее от этого не становится.

Уловив мою растерянность, мужчина тяжело вздыхает и хрипло произносит:

– Я Филипп.

Он поджимает губы и неловко заводит руку за голову, откашливаясь. Лицо у него стремительно бледнеет, отчетливее вырисовывая россыпь веснушек.

Марк нервно усмехается. Лора аккуратно касается моей руки. Эрик не сводит с меня внимательного взгляда. Но мне совсем не до этого.

Бездумно сверлю взглядом переносицу мужчины и не двигаюсь. В голове пугающе пусто.

– Тея, – негромко зовет Берт, – это предыдущий Глава Академии.

Да. Я ведь видела его портрет. Картины, конечно, не так надежно передают реальность, как фотографии. Определен-

ное сходство есть, но и отличий хватает.

А с моим отражением в зеркале их гораздо меньше.

Сердце ударяет в грудь с такой силой, что на мгновение темнеет в глазах. Подбородок дергается, и я отрешенно протягиваю:

– Нет.

Тишина вокруг такая идеальная, что закладывает уши. У Филиппа вздрагивают брови. Широкие и лохматые. Такие же, как у меня, музы.

– Нет, – настойчиво повторяю я, с каждым мгновением утрачивая контроль над собой. Голова мотается из стороны в сторону, а язык мелет что попало: – Хватит с меня родственников, правда. Они появляются, а потом умирают. Один за другим. Я только что потеряла брата, а теперь должна принять, что мой отец все это время отсиживался в библиотеке?

Болезненная гримаса искажает лицо Филиппа, но мне плевать. На что он рассчитывал? Что я радостно брошусь в папины объятия, просто потому что он внезапно появился?

Легкие болезненно сжимаются, выталкивая воздух. Мысли носятся в голове, путая реальность и вымысел. Я дергаю подбородком и сжимаю губы, порывисто отворачиваясь.

Не могу на это смотреть. Не могу видеть, как надежда и свет в карих глазах сменяются глубокой болезненной тоской. В груди что-то дрожит и мечется. Какого черта? Меня не должно это волновать.

Тоненькие ручки обхватывают меня за шею, и белесые во-

лосы щекочут щеку. Лора стискивает меня в объятиях, и ее мягкий нежный голос пробивается сквозь обрывки мыслей:

– Все в порядке, Тея. Все хорошо. Ты имеешь полное право злиться.

Она говорит, но легче не становится. Я отрешенно моргаю и давлюсь воздухом, пока Берт словно из-под воды бормочет:

– Вы не обращайте внимания. Не принимайте на свой счет. Понимаете, только что столько всего произошло, там...

– Я знаю, – тихо выдыхает Филипп, скосив на меня виноватый взгляд. – Я читал твою книгу жизни.

Сознание легко цепляется за эту деталь. Из всего происходящего она кажется менее безумной и сбивающей с толку. Задрав подбородок, я медленно свожу брови и переспрашиваю:

– Что?

Виноватый вздох не предвещает ничего хорошего. Секундный укол предчувствия толкает меня вперед, и я шагаю к Филиппу, а он приподнимает ладони, понутив голову.

– Я понимаю, это неправильно. Я не должен был. Твоя жизнь принадлежит только тебе, но это единственная возможность быть в курсе происходящего, хоть я и не сразу понял, как это можно сделать. Я волновался. Безумно переживал за тебя. – Он поднимает руку и, откинув со лба рыжие пряди, выдыхает. – Это было мучительно. Знать обо всем, но не иметь возможности что-то изменить. Поддержать тебя, помочь, защитить.

Каждое слово отдается пульсирующей тяжестью под ребрами. Каждый звук вбивается в сознание, навсегда залегая между извилин.

Не хочу вникать. Не хочу думать. Я просто не справляюсь со всеми этими мыслями. Не сейчас.

Единственный выход – зацепиться за что-то другое, и я глухо уточняю:

– Да что за книга жизни?

Филипп озадаченно сводит брови, но через мгновение хлопает себя по лбу.

– Да, вы же только появились здесь. Книга жизни описывает все события каждого из нас. – Он раздраженно дергает подбородком и, нахмурившись, отмахивается. – Я все объясню. Отвечу на все вопросы. Но для начала лучше показать.

Секундная догадка проскальзывает в сознании. Имена на корешках.

Пока я борюсь со странным предчувствием, Филипп разворачивается, жестом приглашая следовать за ним. Лора все еще держит мое плечо, и мы вместе двигаемся по бесконечно узкому коридору, а я бездумно наблюдаю, как фигура Марка вырывается вперед. Он оказывается рядом с Филиппом и протягивает руку.

– Я Марк. Приятно...

Филипп застывает, медленно поворачивая голову. Его взгляд темнеет, и, сощурившись, он медленно проговаривает:

– Я читал книгу жизни моей дочери. – Каждое слово отделяется острыми паузами. – Я знаю буквально все, что с ней происходило. Так что я бы не рекомендовал вам обоим... – скользнув взглядом к Эрику, он продолжает: – ко мне приближаться.

Смешок застревает в глотке. Он серьезно? Это шутка какая-то? Решил вспомнить про роль отца?

Осознание мелькает в голове, стирая зарождающееся веселье. Он действительно знает о каждом событии моей жизни? Музы, какой кошмар.

Головой я понимаю, как все это паршиво, но сил на стыд и неловкость уже не остается. Если он узнал о чем-то неприглядном, то это его проблемы. Нечего лезть в чужую жизнь.

Марк сконфуженно поджимает губы и, спрятав руку, отступает. Берт довольно хмыкает, но ничего не говорит. Эрик опускает голову.

Отлично. Самое время для этих идиотских сцен.

Филипп все-таки продолжает свой путь, и мы двигаемся по коридору в напряженной неловкой тишине. Я перестаю об этом думать. Все эти странные выяснения отношений кажутся просто смешными на фоне мысли о том, что за последнюю пару часов мы были в шаге от смерти не меньше трех раз. Кого волнует все остальное?

Когда я уже перестаю верить, что книжные полки закончатся, мы упираемся в деревянные двустворчатые двери. Филипп открывает их быстрым поднятием ладони, и я ша-

гаю за всеми, не пытаюсь даже предугадать, что нас там ждет.

Сначала все вокруг поглощает тьма. Пальцы Лоры напряженно стискивают мою ладонь, но стоит дверям за нами захлопнуться, как под потолком разливается холодный синеватый свет. Я замираю, не в силах сделать ни шага. Брови ползут вверх. Я словно попала в параллельную реальность, но, сколько ни моргаю, картина не меняется.

В огромной комнате, которой и конца не видно, в воздухе парят книги. Страницы шелестят, переворачиваясь. Слова появляются, бесконечно складываясь в предложения, некоторые книги захлопываются и, застыв на пару мгновений, плывут к дверям. Это что вообще такое?

Среди нас не находится никого, кто смог бы выдавить из себя хоть звук. На лицах ребят замирает недоверчивое недоумение. Все молчат, то ли не решаясь прервать шелест страниц, то ли не находя подходящих слов. Сложно спросить что-то конкретное, когда не понимаешь вообще ничего.

С трудом оторвавшись от одинаковых книг, я поднимаю голову, тут же натываясь на взгляд Филиппа. Он смотрит на меня с такой тоской и сожалением, что у меня покалывает в горле, но, перехватив мой взгляд, он все же выдавливает улыбку и спешно поясняет:

– Здесь собраны все книги жизни. Вернее, книги тех, кто еще жив. В предыдущем зале лежали законченные.

Холодок пробирается от шеи к затылку. Все-таки надгробия? Объяснение так себе.

Никто не решается уточнять. Ребята бросают короткие взгляды на меня, тут же возвращаясь к разглядыванию книг. Да что на них нашло?

Вздыхнув, я сглатываю колючий ком и все-таки озвучиваю общий вопрос:

– Что это за место?

Честно говоря, вертится на языке совершенно другое. Не представляю, как мне еще удастся подбирать выражения.

Вид Филиппа такой несчастный, словно я у него экзамен принимаю. Он пару раз открывает и закрывает рот, так ничего и не сказав, но все-таки берет себя в руки:

– Это Великая Библиотека. Здесь собраны абсолютно все существующие книги. Включая книги жизни каждого человека, в которых детально описаны события.

Ясно. Может, я так и не вернулась из книги Минеды? Может, там случилось что-то ужасное, и я не выдержала? Рассудок не справился, и теперь я вижу какую-то абсолютную чушь. Для плода воспаленного воображения – в самый раз, а вот для реальности – перебор.

Гнетущая тишина ясно дает понять, что никто ничего не понимает. Сложно нас в этом винить. Филипп разводит руками и пытается еще раз:

– Я искал истоки книговодства и попал сюда. Это может показаться настоящим безумием, но все держится на этом месте. Это даже забавно. Место, где сходятся...

– Начало и конец, – глухо повторяю я свои безумные мыс-

ли, перебивая его.

Когда я подумала об этом от безысходности, все казалось куда более логичным и очевидным. Куда исчезла вся стройность?

У Филиппа вздрагивают уголки губ. Карий взгляд оглаживает мое лицо, и я почти задыхаюсь от мелькнувших в нем эмоций. Это что, гордость? Никто никогда так не смотрел на меня.

– Да, именно, Теодора, – заключает Филипп. Он осматривает нас и, вздохнув, заявляет: – На самом деле, едва ли у нас достаточно времени, чтобы во всем разобраться. Главный Библиотекарь вас ищет. Она ненавидит, когда что-то идет не по правилам, и не успокоится, пока это не исправит. Вам нужно найти свои книги.

Филипп замолкает, деловито кивнув, но никто не торопится следовать его совету. Да и как? Здесь миллионы книг.

Я медленно свожу брови, всем своим видом намекая, что задачка невыполнимая. Спohватившись, Филипп неловко заводит руку за голову, треплет волосы на затылке и поясняет:

– Не переживайте, они где-то рядом. Они вас чувствуют и тоже хотят найти. Просто доверьтесь ощущениям, и они отведут к нужной книге. – Окинув всех сосредоточенным взглядом, он добавляет уже требовательней: – Давайте же, не стойте!

Первым очнуться удастся Эрику. Встрепенувшись, он быстро кивает и шагает в сторону, и остальные тоже прихо-

дят в движение. Я растерянно смотрю, как друзья разбегаются, но сама стою, вертя в голове внезапно скользнувший вопрос.

Почему отец выглядит на пару лет старше Берта и Эрика? Блуждание по Библиотеке помогает так хорошо сохранить-ся?

– Послушай, Тея. – Его голос едва перекрывает шелест страниц. Филипп шагает ко мне, нервно дергая губами, и досадливо хмурится. – Музы, столько лет мечтать об этом разговоре, чтобы так и не сказать ничего путного. Оказывается, не так-то и просто все это объяснить. Тут и целой вечности не хватит.

Отличная отговорка. Она даже сработает, если он планирует разложить по полочкам все мироустройство и ответить на вечные вселенские вопросы. Только вот меня волнуют проблемы помельче.

Вскинув голову, я облизываю пересохшие губы и не могу спрятать дрожащие нотки в голосе:

– Не надо пытаться объяснить все. Просто объясни, почему ты нас бросил.

Филипп вздрагивает, словно я отвесила ему пощечину. Я сама понимаю, что перегнула, но слова рвутся наружу. Приходится прикусить язык, чтобы не вылить на него ворох обид и упреков.

Я ведь не маленькая, все прекрасно понимаю. Далекое не все отцы мечтают о своей роли. Далекое не все ее принимают.

Но зачем теперь изображать сожаления? Неужели совесть замучила?

Глухой, в секунду охрипший голос ударяет по сознанию, вынуждая сжаться.

– Я этого не выбирал, Теодора. Если бы я знал, что все так сложится... – Филипп выдыхает и качает головой, глядя куда-то за мое плечо. У меня вздрагивают губы. Не может так себя вести человек, который добровольно и осознанно отказался от семьи. – У меня были мечты. Были планы. Я горел ими и по глупости наивно полагал, что могу получить сразу все. Я видел, что никому ни разу не удалось и достичь великой цели, и сохранить спокойную семейную жизнь, но высокомерно считал, что меня ждет куда более радостная участь. – Он сглатывает и переводит взгляд на меня, тоскливо улыбаясь. – Это главная ошибка. Из-за молодости и гордыни. Нам всем приходится чем-то жертвовать, и не всегда возможно сделать обдуманный выбор.

Щека дергается. Ноздри раздуваются, и я сжимаю пальцы в кулаки. Очередные глубокомысленные нравоучения. Слушать их невыносимо, и я упрямо выпячиваю губу, заявляя скорее из обиды:

– Не всегда все так безнадежно.

Знаю, как нелепо это звучит. Я уже достаточно примеров увидела, чтобы понимать, что Филипп прав. Ему остается только щелкнуть меня по носу и доказать, что я веду себя как обиженный ребенок, но ничего подобного он не делает.

Только по-доброму улыбается – так, что морщинки собираются в уголках глаз, – и кивает, легко заявляя:

– Я очень надеюсь, что тебе удастся стать этим счастливым исключением. О большем я и мечтать не смею.

А стоило бы. Зачем он ведет себя так, словно жизнь кончена и нет даже крошечной надежды что-то исправить?

– Ясно. – Буркнув, я хмурюсь и старательно оглядываюсь по сторонам, лишь бы не смотреть на Филиппа.

Еще пара секунд этой неловкой тишины, и я не выдержу – пойду искать свою книгу. Филипп, словно почувствовав это, облизывает губы и, скользя по мне блестящим взглядом, начинает:

– Мне действительно очень жаль, Теодора. Все, что с тобой произошло, – исключительно моя вина. Тебя ждала совершенно другая жизнь. Прости, что из-за меня все пошло наперекосяк.

Перебор. Он действительно не заслуживает звание отца года, но винить себя во всем, что со мной случилось, – слишком самокритично. Если бы один человек мог все это предотвратить, вышло бы чересчур просто.

– Я должен был позаботиться о тебе, – продолжает Филипп. – Должен был всему научить, все рассказать, помогать на каждом шагу. Я должен был защитить тебя от...

О, музы, довольно. Каждое слово расширяет шипастый ком, застрявший в горле, и я дергаю головой, выпаливая:

– Это уже не имеет никакого значения. Все сложилось так,

как сложилось, и вина тут ничем не поможет.

Прикусив кончик языка, я замолкаю. Звучит как очередной упрек, но я вовсе не это хотела сказать.

Филипп понимающе поджимает губы и кивает. У него даже спина горбится, когда он говорит:

– Я просто хочу, чтобы ты знала, Тея. Я бы ни за что вас не оставил. Я бы отказался от чего угодно, только не от тебя.

Да к пегасам. Что он делает?

Моя нижняя губа выпячивается, и ноздри вздрагивают. В горле першит. Сморгнув жгучую слезинку, я выталкиваю из себя:

– Можно ведь оставить все это в прошлом, да? – Голос сипит и срывается. – И попытаться наверстать упущенное, правда?

Рыжие брови вздрагивают. Филипп сдавленно выдыхает и шагает ко мне. Я испуганно опускаю голову, а через мгновение я оказываюсь в крепких объятиях. Широкая ладонь скользит по волосам, и успокаивающий голос помогает дышать:

– Конечно, милая. Ты права. – Широкий подбородок упирается в мою макушку, а внутри все трясется. Слишком много эмоций для одного дня. Хочется безвольно повиснуть в папиных руках, но он продолжает: – Только у нас не всегда есть возможность все исправить.

Оглушительный грохот встряхивает парящие книги. Филипп толкает меня в сторону, загораживая собой, но прямой

опасности нет. Массивная дверь вздрагивает, но держится.

Эхо разносит по залу торопливый топот. Я не хочу знать, что происходит, – шевельнусь, и наш маленький тактильный контакт разорвется, – но все-таки оборачиваюсь. Эрик и Марк подбегают к нам. Лора с Бертом оказываются рядом через десяток секунд. Папина рука выпускает мое плечо, и я сглатываю досаду.

– Что случилось? – Эрик деловито осматривается, цепко выискивая объяснение.

Филипп хмурится и заявляет:

– Библиотекарь поняла, где мы. Магия долго их не удержит. – Секундная мысль мелькает в карих радужках, но он быстро моргает. – Нужно уходить. Чтобы вернуться в реальность, ныряйте в свою книгу и представляйте место, где хотите оказаться.

Звучит просто и поразительно сходится с моим безумным предположением. Похоже, мы все-таки не обречены.

Пока меня обнимает облегчение, все стоят, никуда не торопясь, и я киваю. Первым реагирует Марк. Встрепенувшись, он криво улыбается и подмигивает, бросая мне:

– Увидимся на той стороне, птичка.

Не дожидаясь ответа, он скрывается среди книг, а до меня долетает голос Эрика:

– Тея...

– Идите, – обрываю я его, не дожидаясь вопросов. – Я найду книгу, и мы вернемся.

Недоверие в глазах Эрика такое отчетливое, что я невольно морщусь, но он не спорит. Смерив меня внимательным взглядом, Эрик дергает головой, призывая Лору и Берта следовать за ним, и уходит.

– Идем, я покажу, где твоя книга. – Филипп оказывается рядом, кивком указывая направление.

Его пальцы сжимают мою ладонь, мягко утягивая в сторону, и мне становится спокойней, хотя грохот повторяется. Теперь-то все это не имеет значения. Теперь-то он точно не даст меня в обиду.

Мы петляем между распахнутых книг, а каждый шаг отдается странным предвкушением. Меня буквально тянет куда-то, и тело словно вибрирует, подгоняя вперед.

Филипп останавливается, но не успевает ничего сказать. Я сама вижу книгу. Чувствую, что это она. Ноги уводят меня к ней, и я замороженно наблюдаю за появляющимися на бумаге буквами.

Тепло в груди разрастается, наполняя каждую клеточку. В ушах гудит, и все остальные звуки отходят на второй план. Спокойно. Уютно. Хорошо.

Аккуратное прикосновение к плечу выдергивает из бездумной прострации.

– Тея, нужно идти.

Сморгнув наваждение, я быстро киваю и, повернувшись, собираюсь уточнить, что делать, но так и застываю, распахнув рот.

Филипп поднимает руку. В сжатых пальцах мелькает коричневая обложка, и взгляд цепляется за тисненные буквы. Книга впечатывается мне в грудь, и я инстинктивно перехватываю ее, а Филипп наклоняется и велит:

– Вот. Возьми это. Книга пригодится, а компас останется как память. На все вопросы ответа не даст, но поможет разобраться.

Щека дергается. Я упрямо держу подбородок задранным, не позволяя себе взглянуть на название. Ноздри раздуваются, и голос дрожит, но я как ни в чем не бывало моргаю и, сводя брови, твердо проговариваю:

– Сам и возьми. Если я правильно понимаю, чудесная способность вытаскивать из книг всякий хлам досталась мне от тебя. – Филипп открывает рот, но я не позволяю ему вклиниться. – Вот сам и вытаси. У тебя и опыта больше, и навыки лучше. Забери.

Выбросив вперед руку, я требовательно киваю. Мышцы немеют. Пальцы впиваются в обложку, и гладкая поверхность под подушечками помогает успокоить мысли.

В карих радужках меркнут огоньки. Одного взгляда Филиппа достаточно, чтобы уловить суть проблемы, но я отказываюсь. Упрямо смотрю на него, застыв с вытянутой рукой, пока он не выдавливает:

– Я не могу пойти, Тея.

Я пропускаю слова мимо ушей. Не хочу это слышать. Буду думать, что мне показалось.

Уголок рта дергается, я поджимаю губы, натянуто уточняя:

– Что за глупости? Конечно, можешь. Мы все можем, иначе бы не попали сюда. – Шелест страниц отходит на второй план, и в голове разливается пугающая пустота. Я бормочу, чтобы только ее заполнить. – Если не хочешь разгрести это дерьмо, я понимаю. Это ничего. Никто не захочет. Тебе необязательно. Но это же не повод оставаться здесь со спятившими библиотекарями. – Мой голос все-таки срывается, но я уже не могу остановиться. – Я сама все сделаю. Пожалуйста. Ты можешь даже никогда со мной там не пересекаться, только...

Филипп порывисто выдыхает и останавливает мой безумный поток слов:

– Библиотекарь догнала меня до того, как я разобрался, как все это работает. Моя книга закрылась, Тея. – Он говорит, а я отчужденно мотаю головой, отказываясь верить. – Я успел схватить ее до того, как она переместилась в соседний зал, поэтому и застрял здесь.

Книга захлопнулась. И что? Кто сказал, что это конец? Кто это знает наверняка?

– Нет. – У меня вздрагивают губы, и голос садится. – Нет, этого не может быть. Это нечестно.

Рука Филиппа тянется к моему плечу, но так и не касается его. Новая порция грохота сотрясает книги. Филипп порывисто оборачивается, метнув взгляд к двери, и болезнен-

ная гримаса искажает его лицо. Он хватает меня за плечи и быстро говорит:

– Прости, Тея. – Он наклоняется, всматриваясь в мое лицо. – Я бы все отдал, чтобы пойти с тобой и защитить, но единственное, что я могу, – не дать им сейчас до тебя добраться. Уходи. Давай же, пока не поздно.

Голова кружится. Воздуха не хватает, и я бессильно хлопаю ртом, а собственный голос звучит словно со стороны:

– Пожалуйста. – Судорожный вдох путает звуки. – Не бросай меня.

Рыжие брови вздрагивают. Филипп порывисто наклоняется, прижимая меня к себе, и шепчет:

– Никогда, милая. Я всегда с тобой, где бы ты ни была.

Я не верю. Понабрался лживых обнадеживающих фраз из книжек и думает, что я на это куплюсь? Это нечестно. Так нельзя.

Очередной взрыв размыкает объятия. Что-то холодит пальцы. Это Филипп что-то вкладывает в мою руку и заявляет:

– Вот. Будет правильно, если он останется у тебя. – Я сжимаю пальцы, поглаживая серебристый корпус компаса, а Филипп подталкивает меня к книге. – А теперь иди. Позволь мне хотя бы сейчас позаботиться о тебе.

Я не могу. Тело отказывается слушаться. Я прижимаю к груди книгу, второй рукой стискивая компас, и смотрю на отца, словно сейчас картинка рассыпется и какое-нибудь чу-

до все изменит.

Ничего не меняется. Лимит чудес, похоже, исчерпан.

Шершавая подушечка большого пальца быстро скользит по моей щеке, смахивая слезинку. Филипп наклоняется, касаясь моего лба губами, и, распрямившись, улыбается, перехватывая мой взгляд.

– Я горжусь тобой, милая. Гордился каждым мгновением до этого и буду гордиться. Не забывай об этом.

Он бережно подталкивает меня вплотную к книге. Мысли путаются, и я слепо наблюдаю за появляющимися на бумаге буквами.

Нужно что-то сказать. Хоть что-то.

Вскинув голову, я оборачиваюсь, но Филиппа рядом уже нет. Рыжая шевелюра мелькает среди одинаковых книг. Он оказывается у входа в тот момент, когда дверь слетает с петель, и я вскрикиваю:

– Папа!

Филипп вскидывает руки, призывая на помощь магию, но все же оборачивается. Карий взгляд оглаживает мое лицо в последний раз, и он бросает мне:

– Уходи!

Наш зрительный контакт обрывается. Филипп отворачивается и сосредоточенно смотрит на проход, а по залу разносится шипение Библиотекаря:

– Опять ты...

Все внутри сопротивляется, но я заставляю себя уставить-

ся в книгу. Сморгнув выступившие слезы, я рассеянно вчитываюсь в строчки, но смысл упорно ускользает. Сердце колотится в глотке, отвлекая, но я все равно пытаюсь читать и представлять Академию.

Когда уже начинает казаться, что ничего не выходит, меня сдергивает с пола, и зал растворяется в водовороте цветов и звуков.

3. Echoes

Приземление было не из приятных. Эрика дернуло в сторону, и удержаться на ногах помогли только годы упорных тренировок. Ладонь уперлась в холодный камень, и Эрик зажмурился, позволяя себе бездействие на пару мгновений.

Голова кружилась. К горлу волнами подкатывала тошнота. Не похоже на обычное возвращение из книги. Да и разве должно быть?

Мысленный вопрос отрезвляющей пощечиной напомнил о случившемся. Эрик распахнул глаза и осмотрелся. Облегченный выдох застрял в груди.

Он стоял у крыльца Академии, упираясь ладонью в лест-

ницу. На город опустились сумерки. Прохожие неспешно прогуливались по тротуару, изредка бросая на него подозрительные взгляды.

Где остальные? Где Теодора?

Нельзя было ее оставлять. С чего вообще он позволил ей командовать и принимать решения? Пегасова мать, чудовищный просчет. Нужно было дождаться и своими глазами увидеть, как она ныряет, а уже потом уходить самому. Идиот.

Оттолкнувшись от стены, Эрик потрянул головой, осматриваясь. На крыльце никого. Вряд ли она зашла внутрь одна. На Теодору это совершенно не похоже.

Усталость растворилась, стоило неоформленной мысли обрисоваться четче. Он понятия не имеет, где Марк. Эрик уже позволил ему добраться до Теодоры первым. Больше он такую ошибку не допустит.

Рука метнулась к поясу, проверяя пистолет, но выхватывать его посреди улицы Эрик не стал – это на крайний случай. Планы в голове отказывались строиться. Мысли путались.

Где она может быть, если уже выбралась из Библиотеки? Где Берт и Лора? Едва ли хоть кто-то из них решил вернуться в другое место. Наверняка просто немного промахнулись. Значит, нужно искать поблизости.

Эрик решительно шагнул вправо. Стоило ему добраться до угла здания, как по асфальту скользнули две вытянутые тени, а через мгновение он на кого-то налетел, не успев за-

тормозить.

– Слава музам! – Голос Берта вырвал из груди облегченный выдох.

Рядом стояла Лора. Уставшая, потрепанная, но вполне живая и невредимая.

– Хоть тебя нашли, – выпалила она, хмурясь.

Берт метнул на Лору секундный взгляд, но Эрик не придал этому значения. Их он уже нашел. Осталась одна нерешенная задача, и он требовательно выдохнул:

– Где Тея?

Взгляд вцепился в их лица, словно Лора и Берт должны знать ответ. Разумеется, они не знали.

Лора тревожно переступила с ноги на ногу и дернула растрепавшуюся косу.

– Вообще-то мы надеялись, что она с тобой.

Берт мотнул головой и спешно заговорил:

– Мы сейчас ее найдем. Она ведь с Филиппом. Он бы...

– Нет, – решительно оборвал Эрик, преодолевая желание потереть болезненно пульсирующие виски. – Идите в Академию, узнайте, что там происходит. А я найду ее.

В этот раз точно найдет и не позволит ничему случиться. Незачем им метаться вокруг Академии. Так они скорее вляпаются в новые неприятности, чем выпутаются из старых.

Губы Берта вздрогнули, но поспорить он не успел. Лора деловито кивнула и взяла его под локоть, аккуратно утягивая в сторону крыльца. Повезло. Пререкания бы отняли бесцен-

ное время.

Проследив за удаляющейся парочкой, Эрик решительно развернулся и двинулся в другую сторону. Если Берт с Лорой вышли из-за этого угла, едва ли они могли пройти мимо Теодоры и просто ее не заметить.

Торопливые шаги отдавались в сознании. Никогда прежде главное здание Академии не казалось Эрику таким бесконечно длинным. Когда он все-таки свернул за угол, досада кольнула в груди.

Освещения здесь явно не хватало, и сумерки окутывали улицу плотнее. Прохожие сюда не заходили. Даже звуки с дороги доносились хуже.

В абсолютно пустом переулке сложно было бы не заметить одинокую фигуру, но Эрик упорно никого не видел. Ничего. Это совсем ничего не значит. Она может быть сзади. Может быть где-то еще поблизости.

Упорно отгоняя мрачные предположения, роем насекомых топчущиеся в черепной коробке, Эрик продвигался вдоль стены, заглядывая в укромные темные уголки. Музы его знают, что он там надеялся обнаружить.

Из окон Академии лился мягкий свет. Иногда даже доносились беззаботные голоса. Эрик не понимал, как это возможно. Они оставили Академию в чудовищном хаосе. Разве что Старший Совет не посвятил младших учеников в развернувшийся кошмар. Вполне в их духе.

Когда мысли Эрика вернулись к Академии, он медленно

выдохнул. Они все еще не знают, что произошло. Обстоятельства не особо располагали к выяснению деталей. Единственным, кто смог бы пролить свет на произошедшее, была Теодора. Только вот где она?

Эрик застыл на полушаге, недоверчиво моргнув. Словно в ответ на его мысленный вопрос, в темноте за крошечным крыльцом показалась фигурка. Она неподвижно сидела, прислонившись спиной к стене. Свет из окна выхватил бледное лицо и растрепанные медные волосы. Теодора!

Паника кольнула сознание. Почему она сидит? Почему не двигается? Что еще могло с ней произойти? Эрик дернулся к фигуре, за один рывок преодолевая расстояние между ними.

Теодора наверняка слышала его приближение, но никак не отреагировала. Даже голову не подняла, не вздрогнула.

Эрик порывисто опустился на корточки, быстро уточняя: – Ты как? Все в порядке? Что случилось?

Отрешенный кивок послужил единственным ответом. Пегас его знает, что она хотела этим сказать. Эрик перестал метать бесполезные вопросы, цепко осматривая Теодору. Никаких видимых повреждений. Все, что он заметил, – опущие глаза, отрешенный взгляд, прижатая к груди книга и два компаса. Почему у нее два компаса? Почему у нее вечно что-то не так?

Мысль скользнула в голове, и Эрик свел брови, напряженно уточняя:

– Где твой отец?

Он и не надеялся, что Теодора ответит. Он вообще слабо верил, что она его слышала и понимала, но она медленно моргнула, и Эрика коснулся отрешенный ореховый взгляд. Бледные пересохшие губы разомкнулись, и Теодора глухо произнесла:

– Он мертв.

Кровь отлила от лица. У Эрика пересохло в горле. Он потянулся к Теодоре, но так и не решился ее коснуться.

Это несправедливо. Как тут можно поддержать? Она снова и снова теряла что-то безумно ценное, порой не успев толком даже это получить.

– Что? – растерянно переспросил он, отказываясь верить в такую жестокость. – Как? Что произошло?

Нужно было остаться. Не слушать ее. Убедиться, что все в порядке. Зачем он отступил от привычных принципов?

– Ничего, – пугающе спокойно заявила Теодора. – Он умер давно. Наверное.

Эрик уловил подвох. Напускное спокойствие – всего лишь маленькая уловка. У Теодоры дрогнули губы, и она закусила нижнюю, тут же выкидывая вперед руку.

В грудь впечаталась книга. Эрик едва успел поймать ее и перехватить что-то, блеснувшее в тусклом свете. Компас. Серебристый, усеянный изящной россыпью черных камней и украшенный хитросплетением рун. Оникс. Тоскливая улыбка тронула уголки губ. Такой компас точно мог принадлежать только Верховному Книгоходцу.

Зря он отвлекся. Пары мгновений, пока Эрик рассматривал книгу и компас, хватило, чтобы Теодора задохнулась всхлипом и, прижав ладони к лицу, спряталась за медными прядями.

Музы, как он ненавидел женские слезы. Эрик понятия не имел, что делать в таких ситуациях, а эта казалась особенно безвыходной.

Что он может? Как утешить человека, который только что нашел пропавшего отца и тут же его утратил? Какие слова помогут? Все бесполезно.

Растерянно поморщившись, Эрик дернулся в одну сторону, потом в другую. Решение не находилось. Он не мог смотреть на Теодору в таком состоянии. У него дрогнул кадык. Музы, помогите.

Других вариантов в голове не возникло, и Эрик сдался. Порывисто подавшись вперед, он обхватил Теодору и потянул на себя, обнимая. В груди кольнуло. По телу пробежала странная волна тепла.

Теодора дрожала и дышала прерывисто. От ее сдавленных выдохов закладывало уши. Если бы Эрик только мог, если бы знал, как ей помочь, он бы сделал это не раздумывая, но ему оставалось только сидеть на корточках, прижимая ее к себе, и медленно покачиваться вперед-назад.

Сомнительная помощь. Эрик привык решать проблемы действиями, а сейчас секунды застывали вокруг, оседая на коже липким налетом. Ощущение беспомощности скреб-

лось за грудиной, царапая ребра.

Нужно уходить отсюда. Нужно вернуться в Академию. Берт с Лорой наверняка переживают и места себе не находят. Еще немного, и они, упаси музы, организуют для них спасательную операцию. Тогда проблем точно не оберешься.

Мысленно выругавшись, Эрик аккуратно отстранился и мягко потянул руки Теодоры вниз. Никакого сопротивления. Она легко отняла ладони от лица, и Эрик недоверчиво моргнул. Теодора не плакала. Только отрешенно смотрела перед собой и тяжело дышала.

Наверняка это шок. Неудивительно. Слишком много событий подряд. Не каждый такое вынесет. Эрик не ожидал от Теодоры и такой стойкости.

– Вставай, – неуверенно предложил он, растеряв привычные приказные нотки. – Давай, Тея. Пойдем внутрь.

Он был готов столкнуться со спорами и всплеском эмоций, но ничего не произошло. Теодора послушно распрямилась, продолжая сверлить взглядом пустоту.

Плохо понимая, как себя вести, Эрик шагнул ко входу, но замер. Теодора его примеру не последовала. Она словно и не здесь была.

Можно было воспользоваться проверенными безотказными способами – потянуть ее за собой, крикнуть, сгрести в охапку и просто донести до Академии, но Эрик не смог.

Остановившись рядом, он опустил руку, аккуратно обхватывая тоненькое запястье. Кожа у Теодоры оказалась ледя-

ной.

Она словно не ощутила прикосновения. Не вздрогнула, даже не посмотрела на Эрика, не обхватила его руку в ответ, но, когда он двинулся к Академии, безропотно шагнула за ним.

Думать не получалось. Эрик старался не смотреть на прижатую к груди книгу. Это все вообще не его дело, нечего и голову забивать. Только вот Теодора явно не в состоянии задумываться сейчас о последствиях, а Эрик прекрасно представлял, чем чревато появление таких вещей. Заметит кто-то из Старшего Совета, и Теодора никогда больше не увидит ни книгу, ни компас.

Неправильно. Филипп передал их именно ей. Своей дочери. Но идти против интересов Старшего Совета – все равно что идти против себя. Он не может. Не должен. Отец не этому его учил. Нужно все им рассказать. Нужно подчиняться тем, кто стоит выше.

Поднимаясь по крыльцу, Эрик скосил взгляд на Теодору. Она напоминала призрака. Едва живая, выбравшаяся из настоящего ада. Бледное лицо с кляксами веснушек, заострившиеся черты, растрепанные слипшиеся кудри. Полная пустота во взгляде, россыпь ссадин и грязи, запекшееся кровавое пятно на рубашке.

Она всучила ему такие ценные вещи, наверняка не отдавая отчета в своих действиях. Сдать ее Старшему Совету – последний смертельный удар в спину. Настоящее предатель-

ство. Если она оправится, то никогда его не простит. Но Академия тоже не прощает таких ошибок.

Уже у самой двери Эрик порывисто выдохнул. Рука дернулась, пряча книгу и компас. Пальцы плотнее обхватили запястье Теодоры.

К пегасам все это. Решение показалось таким очевидным, что Эрик облегченно смежил веки.

Теодора – его решение. Она – его Верховный Книгоходец. Она должна им стать по всем правилам, и это уничтожает противоречия. Плевать он хотел, что пока это не так.

Тяжелые двустворчатые двери распахнулись, пропуская их внутрь. Эрик шагнул вперед и тут же замер – эхо звучно разнеслось по холлу в абсолютной тишине. Здесь никогда не было так тихо.

Эрик вскинул голову, и нехорошее предчувствие обдало его холодом. Сначала он заметил Берта. Брат поднял руки, увидев его, и активно зажестиковал. Эрик не понимал его знаки, но хмурые брови и сконфуженный вид не предвещали ничего хорошего.

Вопросы отпали, когда Эрик обвел взглядом холл и напряженно застыл. Весь Старший Совет собрался здесь и теперь сверлил их с Теодорой жесткими гневными взглядами. Гнетущая тишина въедалась в подкорку, но ее нарушил звенящий от возмущения голос господина Йенсена:

– Вы двое. В комнату для собраний. Вам предстоит многое объяснить, молодые люди.

Маленькие маслянистые глазки горели от возмущения. Господин Йенсен пыхтел и поджимал губы.

Теодора вздрогнула и пошатнулась, но устояла. Взгляд ее чуть прояснился, и в ореховых радужках мелькнула вялая от усталости паника.

Эрик успокаивающе погладил ее ладонь подушечкой большого пальца. Выступив вперед, он загородил Теодору плечом и твердо начал:

– Мы едва выжили. Теодоре нужна помощь. Нам всем нужен отдых. Объяснения могут подождать хотя бы до утра.

– Нет, не могут, – отрезал тучный господин Йенсен. – Вы объясните все немедленно. Это не просьба.

Самодуры. Это же просто жестоко. Неужели по ним не видно, что разговора сейчас не выйдет?

Эрик раздраженно поджал губы, но возразить не успел. Рука Теодоры выскользнула из его пальцев, и она повернулась к нему, медленно кивнув. Не дожидаясь новых грубостей, Теодора в полной тишине двинулась к лифту. Эрик выдохнул и, игнорируя враждебные взгляды, зашагал за ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.